

К. В. ИВАНОВ

ПРОЕКТ ГЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ АСТРОФИЗИЧЕСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ – ГРАНДИОЗНАЯ АВАНТЮРА ИЛИ РУТИНА ДИСЦИПЛИНАРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА?

В статье подробно рассмотрена история основания Главной Российской астрофизической обсерватории (1920–1922). Особое внимание уделено организационной деятельности В. В. Стратонова. На выбранном примере показано, как практика широкомасштабных академических реформ, свойственная периоду послереволюционных изменений, позволяла совершать институциональные и дисциплинарные преобразования научных направлений, приводя к смене исследовательских перспектив. В фокусе статьи – инструментальное использование локальных нарушений академических договоренностей, которые были использованы Стратоновым для создания в астрономии такой обстановки, которая бы позволяла развиваться не только астрометрическим и геодезическим исследованиям (обладавшим в XIX в. безусловной поддержкой государственных служб), но и малопопулярным в то время астрофизическим исследованиям. Статья написана с использованием большого количества архивных источников.

Ключевые слова: В. В. Стратонов, астрономия, история астрономии, история науки, социология науки, научная политика.

Попытка основания Главной Российской астрофизической обсерватории (ГРАФО) – провозвестника всех других крупных астрофизических учреждений СССР – пришлось на время кардинальных социальных перемен, сопровождаемых острыми столкновениями необозримого количества идеологий, практик, политик, нравственных ориентиров, интеллектуальных предпочтений и всего прочего, так или иначе предусматривающего конкурентную борьбу между индивидами, коллективами и более или менее консолидированными сообществами. Деполяризация власти, ослабление контроля над социальной активностью, необходимого для удержания сложившегося *status quo*, привели к высвобождению большого количества подавляемых ранее инициатив. Размыв представлений о приемлемом и целесообразном, потеря консенсуса, разрушение вековых иерархий всех типов – от экономических до культурных и символических – сделали социальную жизнь мозаичной, сместив фокус наибольших социальных напряжений в сторону локальных конфликтов, значимость которых неизмеримо выросла на фоне отсутствия понимания логики развития целого. Такая обстановка взывала хоть к какой-то консолидации и предоставляла идеальные возможности для организационного творчества. По сути она позволяла делать что угодно. Вместе с тем вязкость образовавшейся деконсолидированной среды создавала неисчислимое количество препятствий, преодоление которых требовало от организаторов дерзости, виртуозности, а иногда и авантюризма.

Автором вышеназванного проекта стал Всеволод Викторович Стратонов – в прошлом астрофизик Ташкентской обсерватории, а к началу революции – заведующий Тверским отделением Государственного банка. Называя затеянное им предприятие авантюрой, мы имеем в виду не только специфику примененных им действий и средств (что будет подробно рассмотрено ниже), но и сами результаты проекта. Хотя проект был, безусловно, результативен с точки зрения создания прецедента институционального размежевания астрофизических и астрометрических исследований, его итог только отдаленно напоминал то, чего на самом деле хотел добиться автор этой смелой инициативы. Вместо большой астрофизической обсерватории с филиалами, расположенными на юге примерно на одной широте, удалось создать только скромный астрофизический институт (Государственный астрофизический институт, или ГАФИ) с небольшой наблюдательной станцией в пригороде Москвы. В течение нескольких лет после основания этот институт был на грани ликвидации. В 1931 г. он был ассимилирован другими московскими астрономическими центрами и вошел в состав знаменитого ГАИШа – Государственного астрономического института им. П. К. Штернберга, возникшего как результат объединения обсерватории Московского университета, московского филиала Астрономо-геодезического научно-исследовательского института и уже упоминавшегося ГАФИ¹. ГРАФО оставила свой след в истории только как замысел, как едва прорисованное стремление, различимое исключительно благодаря реакциям, которые последовали на него со стороны «старых» научных учреждений и правительственных органов.

Мы начнем свое рассмотрение с краткой биографической справки о Стратонове. Это необходимо сделать, чтобы выявить ряд компетенций (равно как и черт характера), позволивших ему успешно преодолеть запутанный лабиринт послереволюционных социальных взаимодействий в России 1918–1920 гг. Затем сосредоточимся на способах, посредством которых Стратонов добился статуса, позволившего ему выдвинуть проект организации ГРАФО, и, наконец, в деталях рассмотрим как процедуру реализации проекта, так и его результаты.

Биографическая справка

Всеволод Викторович Стратонов (1869–1938) родился в Одессе² и был вторым ребенком в семье директора Ришельевской гимназии. Детство провел в Екатеринодаре (в настоящее время Краснодар). В 1886 г. окончил с зо-

¹ Иванов К. В. Астрономия в Москве в начале XX в. // Земля и Вселенная. 1996. № 2. С. 46–55.

² См. основные биографические данные о Стратонове в: В. В. Стратонов: биографическая справка // Словарь русских зарубежных писателей / Сост. В. Ф. Булгаков. Нью-Йорк, 1993. С. 139; Лосский Б. Н. В русской Праге (1922–1927) // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 16. С. 7–79; Рустан Л. Памяти русско-чешского Фламариона // Русское слово (Прага). 17 июля 1938 г.; Svoboda, J. Prof. Vsevolod V. Stratonov // České vysoké učení technické v Praze s ve studijním roce 1937–1938. Praha, 1939. S. 30–32; Svoboda, J. Professor Vsevolod V. Stratonov // Říše Hvězd. 1938. № 19. S. 172–174, а также его собственные воспоминания: Стратонов В. В. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 1 // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 667; Стратонов В. В. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 2 // ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 668; Стратонов В. В. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3 // ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 669.

лотой медалью Кубанскую войсковую гимназию, после чего поступил на юридический факультет Новороссийского (Одесского) университета. После окончания первого семестра перешел на физико-математическое отделение естественно-научного факультета того же университета. В 1891 г. окончил университет с дипломом 1-й степени и золотой медалью, присужденной за выпускную квалификационную работу по астрономии «Пассажный инструмент и определение географических координат». В тот же год произошла первая встреча Стратонова с директором Пулковской обсерватории Ф. А. Бредихиным, совершавшим объезд российских университетов в поиске молодых астрономов.

Стратонов рассчитывал остаться при университете для подготовки к профессорскому званию по астрономии, однако директор Одесской обсерватории А. К. Кононович отказался дать ему рекомендацию из-за коллизий, возникших между ними во время участия Стратонова в студенческих волнениях. Попытка Стратонова продолжить астрономические исследования под руководством С. П. Глазенапа также не увенчалась успехом. В 1892 г. Стратонов самостоятельно написал письмо Бредихину с просьбой помочь ему «усовершенствоваться» в астрономии. Вскоре после этого Стратонов получил личное приглашение Бредихина пройти астрофизическую стажировку в Пулковской обсерватории. В 1893 г. он приехал в Пулково. После окончания стажировки в 1894 г. он был рекомендован на новое место астрофизика Ташкентской обсерватории.

Десятилетний период работы Стратонова в Ташкенте был самым результативным в его научной карьере. За это время на нормальном астрографе обсерватории, приобретенном для участия в международной программе по составлению каталога туманностей в зоне Млечного Пути, Стратоновым было получено более 400 снимков звездного неба и небесных объектов, проведено тщательное измерение скоростей вращения поверхности Солнца на разных широтах (по наблюдениям факелов), исследовано несколько звездных скоплений, осуществлен статистический анализ распределения звезд в Млечном Пути. Результатом этих усилий стал ряд фундаментальных работ, опубликованных на нескольких европейских языках. К числу наиболее известных следует отнести обширный «мемуар» «О движении солнечных факелов», посвященный уточнению закона вращения Солнца, и «Исследования строения Вселенной» – работу, содержащую статистический анализ распределения звезд в Млечном Пути.

После десяти лет работы в Ташкенте Стратонов, отчасти из-за длительного конфликта с военным директором обсерватории Д. Д. Геденовым, отчасти из желания обеспечить более широкие жизненные перспективы для своей постепенно увеличивающейся семьи (в это время у него подрастали двое детей), покидает обсерваторию и после довольно продолжительных (около года) хлопот в Петербурге получает место вице-директора военно-народной канцелярии наместника на Кавказе И. И. Воронцова-Дашкова. Летом 1905 г. он с семьей переезжает Тифлис (Тбилиси). Здесь Стратонов работает до 1911 г., выполняя разнообразные поручения, в числе которых были разбор апелляций по гражданским делам, административные ревизии различных районов Кавказа, выпуск кавказских справочников-календарей, заведование

официальной газетой «Кавказ» и др. Став жертвой одной из многочисленных интриг при дворе наместника, Стратонов оказывается вынужденным оставить должность. После продолжительных мытарств ему удается устроиться контролером Государственного банка (в Орловском, Муромском и Тверском отделениях последовательно). В 1916 г. он получает место управляющего Тверским отделением Государственного банка. В течение всего этого времени Стратонов ведет широкую популяризаторскую работу, публикует на собственные средства несколько книг, в том числе блестяще оформленную популярную монографию «Солнце», которая удостоивается лестных отзывов со стороны известных отечественных астрономов и получает рекомендацию Министерства просвещения для использования в качестве поощрительного подарка выпускникам, окончившим гимназию с золотой медалью.

После победы большевизма и реквизиции банка Стратонов переезжает в Москву, где пытается восстановить академические связи. Нам важно подчеркнуть, что к 1918 г. он почти утратил научную компетенцию, поскольку, как сам признавался в своих откровенных «Воспоминаниях», за последние годы «поотстал от науки»³. Однако за время перерыва в научных занятиях он приобрел две не менее важные компетенции, а именно административную и финансовую. Именно они стали решающим условием приобретения Стратоновым нового научного статуса, позволившего ему выдвинуть проект основания ГРАФО.

Аккумуляция статуса

Мы бы ошиблись, если бы стали утверждать, что основание ГРАФО было мечтой всей жизни Стратонова, что он долго вынашивал план организации обсерватории и использовал всякую возможность, чтобы привлечь к своей идее всеобщее внимание. Если бы не большевистский переворот, Стратонов, вероятно, так и остался бы заведующим Тверским отделением банка, проявляя к астрономии только досужий интерес. Реквизиция банка в конце 1917 г. лишила его надежд на благополучную старость. Это было серьезной потерей, и ему нужно было срочно искать новое назначение. В это время его семья состояла из четырех человек, включая двоих взрослых детей. Стратонов пошел по пути, который раньше неоднократно приносил ему успех, – он выехал в столицу и попытался, восстановив прежние связи, найти достойное применение своему опыту и таланту. Сначала он почти не уделял внимания возможности возобновить научную карьеру. И хотя, попав в Москву, он сразу стал участвовать в некоторых научных мероприятиях, это было результатом не столько сознательной тактики, сколько стихийного дрейфа.

Хотя летом 1918 г. Стратонов был приглашен членом коллегии Научного отдела Наркомпроса В. Т. Тер-Оганезовым для участия в совещании по поводу ведомственной принадлежности Ташкентской обсерватории (учреждения, где Стратонов в течение десяти лет (1894–1904) проработал астрофизиком), в тот момент его больше привлекала идея создания печатного кооператива

³ Стратонов. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 421.

«Прометей», в котором он собирался развить «переплетное ремесло, бумажные фабрикации, литографские и графические работы и т. п.»⁴. Точно так же он довольно спокойно отнесся к предложению С. Л. Бастамова подать заявление в Московский университет на должность приват-доцента.

В свое время, будучи молодым астрофизиком, Стратонов приложил немало усилий, чтобы получить место в университете. Однако теперь такое предложение вряд ли могло показаться ему заманчивым. В 1918 г. Стратонову было уже под пятьдесят, он не обладал научной степенью и прекрасно отдавал себе отчет в том, что место приват-доцента не обеспечит его ни престижем, ни приемлемым жалованьем. То, что он в конечном итоге принял это приглашение, было, скорее всего, мотивировано не столько горячим желанием заняться преподавательской деятельностью, сколько стремлением обеспечить себя относительно нетрудоемким приработком и одновременно нейтрализовать неприятные воспоминания о своих безуспешных юношеских попытках.

Запрет частной торговли и последовавшее за этим падение кооперативного движения развеяли надежды Стратонова на основании собственного предприятия. Его житейские дела тоже были на грани краха. Знакомый, представивший Стратонову квартиру на время, пока его семья жила на даче, начал заметно нервничать и торопить с переездом. На беду именно в это время жена Стратонова слегла с тяжелой болезнью печени. Все лето Стратонов провел в поисках квартиры. Денег на покупку своего жилья у него не было, и он по очереди обходил домовые комитеты в поисках съезжающих жильцов, которые согласились бы за умеренную плату уступить ему квартиру на время их отсутствия. Осенью 1918 г. Стратонову повезло. Ему с большим трудом удалось получить временное жилье в многоэтажном сорокаквартирном доме в Трубниковском переулке. Тогда же, после потери места представителя Ржевских потребительских союзов, он не без колебаний согласился на предложение Тер-Оганезова занять должность «ученого консультанта» Научного отдела Наркомпроса⁵.

В 1919 г. произошло несколько событий, кардинальным образом изменивших самовосприятие Стратонова в перспективе, открываемой инициативами первых революционных лет. Большевицкая реформа высшего образования, отменившая старую схему университетской служебной иерархии, дала Стра-

---

⁴ Там же. Л. 112.

⁵ Стратонов так рассказывал об этом эпизоде своей жизни: «Летом 1918 г. встретился я в Москве с Варганом Тиграновичем Тер-Оганезовым. Это не было первой нашей встречей вообще. В 1910 году, когда, живя в Тифлисе, я был редактором-издателем газеты “Кавказ”, явился ко мне молодой, румяный студентик, назвавший себя Тер-Оганезовым. Говорил, что он слушатель астрономии у А. А. Иванова, и просил напечатать его популярный фельетон – о падающих звездах. Я обещал почтительному студенту фельетон его прочитать. За непригодностью напечатать его было нельзя, и Тер-Оганезов скромно ретировался [...] Узнавши о моем пребывании в Москве, Тер-Оганезов написал мне приглашение участвовать в заседаниях особой комиссии при Наркомпросе по делу о Ташкентской обсерватории [...] После этой встречи Тер-Оганезов предложил мне в научном отделе должность “ученого консультанта”. Как раз в эту пору я был безработным [...] Посоветовавшись с друзьями, я принял предложение Тер-Оганезова и правильно поступил; через короткое время вся интеллигенция стала советскими служащими, ибо иначе нельзя было существовать» (Там же. Л. 178).

тонову возможность получить звание профессора без защиты диссертации. Параллельно с этим происходит укрепление его позиций в Наркомпросе.

На первых порах усилия Стратонова были направлены не столько на научную работу, сколько на стремление продемонстрировать организаторскую компетенцию, которая в годы государственного строительства после большевистского переворота действительно была в цене. Он старался занимать должности, открывавшие ему доступ не столько к научным, сколько к административным и финансовым ресурсам, т. е. к тем областям, в которых он, как бывший крупный чиновник, а затем финансист, чувствовал себя наиболее компетентным. Так, в 1919 г. при перевыборах правления физико-математического факультета Московского университета он становится председателем так называемой штатной комиссии, задачей которой являлось «исчисление содержания всему преподавательскому персоналу» факультета⁶. В Наркомпросе он берет на себя руководство научно-учебным издательством и становится одной из ключевых фигур в определении планов издательства и размеров гонораров, выдаваемых авторам публикуемых книг.

В житейских делах Стратонова тоже наметились перемены к лучшему. Сначала неустойчивое положение временного квартиранта заставило его принять на себя ряд обязанностей по обслуживанию дома в Трубниковском переулке и стать членом домового комитета. После того как Стратонов продемонстрировал превосходные организаторские качества, приобретенные в ходе государственной службы, его избирают председателем домового комитета. Сразу же после революции работа в домовом комитете – подразделении, стихийно возникшем после реквизиции дома у прежнего хозяина, – воспринималась большинством жильцов как малоприятная дополнительная нагрузка, отнимающая досуг и не приносящая никакой материальной выгоды. Однако со временем, по мере обострения жилищного кризиса, в условиях отсутствия какого-либо жилищного законодательства, домовые комитеты стали важным звеном в процедуре распределения квартир (уплотнение, вселение новых жильцов, выселение за нарушение регламента оплаты и правил пользования жилплощадью и т. д.). Так постепенно перед Стратоновым, стремившимся приобрести статус, сравнимый с тем, что он имел до революции, стал открываться ряд заманчивых перспектив.

После возникновения Комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ) Стратонову удается включить «свой» дом, в котором он по-прежнему состоял председателем домового комитета, в число одиннадцати московских домов, предназначенных для вселения профессорских семей, лишившихся жилья во время революционных событий. Одновременно он становится членом так называемой жилищной комиссии при КУБУ. Это назначение дает дополнительный импульс его служебному росту, и в октябре 1920 г. Стратонова избирают деканом физико-математического факультета Московского университета. Незадолго до этого он был избран деканом физико-математического факультета вновь созданного в Ташкенте Туркестанского (Среднеазиатского) университета. К этому моменту, почувствовав весомость своего положения, Стратонов решает на то, чтобы выдвинуть научный проект, который в случае благополучного исхода позволил бы ему войти в круг высшей академической элиты.

⁶ Там же. Л. 425.

Преодоление бюрократической инерции

По словам Стратонова, еще в конце 1919 г. у него возникла мысль «создать большую астрофизическую обсерваторию». По его плану «она должна была иметь равное научное значение с Главной астрономической обсерваторией в Пулкове и с Главной физической, – занимая промежуточное между ними положение»⁷. Астрофизические исследования имели весьма косвенное отношение к предмету исследований Физической обсерватории – геофизике, метеорологии, сейсмологии и гидрологии. Очевидно, предлагая этот проект, Стратонов имел в виду прежде всего симметричность схемы и устойчивые представления об организации работы в областях, курируемых двумя большими российскими обсерваториями. И Главная астрономическая, и Главная физическая обсерватории обладали примерно одинаковой организационной структурой, представлявшей собой сеть филиалов, объединенных центральным институтом, располагавшимся в крупном культурном центре. По мнению Стратонова, именно такой должна была быть и будущая астрофизическая обсерватория. Однако если для астрометрии и метеорологии (равно как для сейсмологии и гидрологии) такая организация была прямо обусловлена необходимостью полноценно контролировать обширную территорию Российской империи, то для астрофизики эффективность такой организации отнюдь не была самоочевидной. Стратонову необходимо было преодолеть то, что принято называть *инерцией бюрократической ментальности* – привычку чиновников видеть пользу только в определенном типе научных исследований и их «слепоту» в отношении новаторских инициатив.

Пытаясь обосновать выгоду именно такой организации астрофизической обсерватории, Стратонов находил аргументы, некоторые из которых звучали очень убедительно. Например, аргумент, связанный с астрогеографическим преимуществом территории Российского государства – вытянутостью по широте.

Если, – писал Стратонов, – центральный институт будет в Одессе, то цепь филиалов поместится: на горах Кавказа, в Ташкенте, в районах Иркутска и Владивостока. Если снабдить филиалы одинаковыми инструментами и дать им одинаковые задачи, то может быть достигнута непрерывность наблюдений, нигде, кроме России, в пределах одной страны не достижимая: если начать что-либо наблюдать вечером в районе Владивостока, а кончить перед рассветом в Одессе, то получится почти непрерывное суточное наблюдение небесного явления⁸.

И все же попытки Стратонова найти обоснование для постройки в России большой астрофизической обсерватории наталкивались на как минимум одно очень серьезное препятствие – отсутствие прямой бюрократической и хозяйственной заинтересованности в проведении астрофизических исследований⁹.

⁷ Там же. Л. 220.

⁸ Там же. Л. 221.

⁹ Историк российских астроспектроскопических исследований О. А. Мельников также считает, что «одной из важнейших причин затяжки признания астрофизики вообще и астроспектроскопии в частности было то, что казалась совершенно неясной их будущая практическая

Если развитие астрометрии было одним из важнейших условий формирования крупных национальных единств и консолидации бюрократического аппарата; если, в свою очередь, метеорологические, сейсмические и гидрологические исследования напрямую обслуживали хозяйственные нужды страны, то собственно астрофизические исследования не имели такого решающего значения для государства¹⁰.

Отыскивая все новые и новые аргументы, Стратонов опирался в том числе на ряд устоявшихся представлений об организации научных исследований, которые получили широкое признание в западных странах. К началу 1920-х гг. организация крупных астрофизических обсерваторий уже приобрела силу социально значимого примера и отсутствие в России подобных учреждений начинало восприниматься как упущение, затрудняющее профессиональный рост российских специалистов и роняющее престиж России за рубежом. В каких-то аспектах Запад продолжал оставаться для большевиков примером.

Кроме того, политическая оппозиция в отношении буржуазных стран не снимала с советского руководства ответственности за воспроизведение в России общеевропейских цивилизационных стандартов, которые не противоречили явным образом большевистской идеологии. Естественно-научные исследования были как раз такой сферой. Парадоксальным образом борьба за политическое признание заставляла и большевиков, и их главных политических оппонентов – крупную буржуазию – делать симметричные жесты. Сохранилось немало свидетельств того, что большевики прилагали особые усилия к возможно более убедительной демонстрации улучшения труда ученых в советских условиях. Поэтому Стратонов считал, что в данном случае обращение к опыту западных государств могло создать выгодные условия для обсуждения проекта. «Большевистская власть, – писал он в своих «Воспоминаниях», – любила размахнуться широко, если это делало ей в глазах мира рекламу; следовательно, предзнаменования дурными не были»¹¹.

15 февраля 1920 г. Стратонов решает на то, чтобы обратиться в правительство с запиской о целесообразности создания в России крупной астрофизической обсерватории. В качестве авторитетного посредника между собой и советским правительством он выбирает члена коллегии Научного отдела Наркомпроса Д. Н. Артемьева¹², знакомого ему по периоду работы в НКП.

польза. В отличие от этого старая, классическая астрономия имела совершенно определенное практическое применение в виде службы времени, составления каталогов звезд для нужд геодезии, эфемерид для кораблевождения и т. д.» (*Мельников О. А.* К истории развития астроспектроскопии в России и в СССР // Историко-астрономические исследования. М., 1957. Вып. 3. С. 27–28).

¹⁰ Вероятно, именно поэтому в общеевропейской и мировой перспективе первые шаги, способствовавшие сообщению астрофизике статуса самостоятельной научной дисциплины, были предприняты не государственными чиновниками, а богатыми меценатами, пожелавшими увековечить свою память созданием крупных астрофизических обсерваторий. См., напр.: *Радецкая И. М.* Первые шаги астрофизики в США // Историко-астрономические исследования. М., 1992. Вып. 23. С. 132–143.

¹¹ *Стратонов.* По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 220.

¹² Из архивных источников известно, что Артемьев был назначен членом коллегии Научного отдела Наркомпроса после фисако Тер-Оганезова на посту заведующего этим отделом. В результате управление отделом было решено сделать коллегиальным, включив в состав

В записке Стратонов строго придерживался изложенной выше схемы аргументации, позволявшей надеяться, с одной стороны, на привлечение внимания к проекту центральных властей, с другой – на обеспечение собственных социoproфессиональных интересов. Постулировав в качестве универсально-го стандарта размежевание астрономии

на две ветви: астрометрию, или науку об определении положений небесных светил и их геометрических элементов, и астрофизику (подчеркнуто в оригинале. – К. И.), или науку, трактующую по преимуществу вопросы о физическом состоянии небесных тел и вообще обнимающую случаи применения физики и химии в астрономии ¹³,

и упомянув о том, что «за границей уже утвердилось сознание о необходимости сооружения больших государственных специальных астрофизических обсерваторий, действующих независимо от астрономических» ¹⁴, Стратонов указывает, что, несмотря на это, в России «специальных астрофизических обсерваторий еще вовсе нет». Поэтому – предлагал Стратонов – «представлялось бы своевременным создание в России большой специальной астрофизической обсерватории, равной по масштабу Пулковской астрономической обсерватории» ¹⁵.

В записке упоминалось и о штате будущей обсерватории, но без каких-либо уточнений. Стратонов просто писал, что «в России уже имеется и достаточный кадр специалистов астрофизиков», которые могли бы работать на обсерватории. Вопрос о штате, безусловно, был одним из ключевых. Понимая, что в случае благополучного заключения по проекту можно было рассчитывать на получение должности руководителя учреждения, которое номинально было бы сравнимо по статусу с Главной астрономической и Главной физической обсерваториями, Стратонов не мог не задумываться об этом. Однако к моменту подачи «записки» он еще не имел определенных планов на этот счет. Тем не менее, чтобы создать у Артемьева уверенность в благоприятных обстоятельствах для реализации проекта, Стратонов как бы невзначай упоминает, что в существующих астрометрических центрах астрофизические исследования выполняются «лишь в качестве второстепенной задачи», намекая на то, что в случае успеха предприятия можно надеяться на переход астрофизиков, рассыпанных по различным астрономическим организациям, в учреждение, где их работа носила бы профильный характер ¹⁶.

коллегии помимо Тер-Оганезова другого сотрудника Наркомпроса, Л. Г. Шапиро, и от лица признанных научных специалистов или, как сказано в протоколе, в качестве «научной величины» – Д. Н. Артемьева (Протокол 15-го заседания Государственной комиссии по просвещению от 24 апреля 1918 г. // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 135. Л. 125 об.). В комментариях к дневникам В. И. Вернадского, составленных В. П. Волковым, приводится следующая информация об Артемьеве: «Дмитрий Николаевич Артемьев (1882–?) – минералог и кристаллограф, ученик В. И. Вернадского по Московскому университету. В 1918 – профессор физико-математического факультета [...] В 1918–1921 был членом коллегии НТО ВСНХ и Наркомпроса [...] В 1922 уехал в командировку в Германию, отказался вернуться в СССР» (*Вернадский В. И. Дневники*. Март 1921 – август 1925. 2-е изд. / Отв. ред. В. П. Волков. М., 1999. С. 26–27).

¹³ Стратонов В. В. Справка // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 1 об.

¹⁵ Там же. Л. 1.

¹⁶ Там же.

У Артемьева не было прямой заинтересованности в этом проекте. И хотя, скорее всего, он действительно питал к Стратонову дружеские чувства (это, правда, подтверждается свидетельствами только самого Стратонова), у него не было никаких других мотивов, чтобы проявлять особое усердие в этом деле. Поэтому он применил одну из стандартных бюрократических схем. Он отреагировал на записку Стратонова еще одним документом – официальным письмом, которое было направлено всем влиятельным специалистам в области астрономии и геофизики с просьбой «не отказать предоставить в возможно непродолжительном времени свои обстоятельные соображения по затронутому вопросу»¹⁷. Таким образом Артемьев снял с себя ответственность за принятие индивидуального решения и попытался создать некое подобие форума, который позволил бы, с одной стороны, подключить к обсуждению проекта специалистов, имеющих в глазах власти право на компетентное суждение; с другой – оценить расстановку сил среди как специалистов-астрономов, так и правительственных чиновников.

По сути Артемьев просто переработал записку Стратонова, снабдив ее дополнительными сведениями о предполагаемой программе научной работы проектируемой обсерватории (которые, очевидно, были получены тоже от Стратонова) и сделав более конкретными формулировки, касающиеся статуса обсерватории. Например, в письме говорилось о

могущих быть впоследствии соглашениях о совместных и планомерных астрофизических наблюдениях с расположенными приблизительно на одной параллели Ташкентской и Симеизской обсерваториями.

В качестве предварительной исследовательской программы предполагалось проводить,

во-первых, систематическую, по возможности ежедневную фотографическую регистрацию звездного неба для создания астрофотографического архива, а равно также ежедневную фотографическую, спектрогелиографическую, актинометрическую и пр. регистрацию деятельности Солнца

и, во-вторых,

более детальное и разностороннее, чем производилось до сих пор, исследование Млечного Пути, фотографическое и спектральное обозрение туманностей, спектрографирование звезд, спектральное исследование солнечных процессов, фотометрические работы и пр. задачи астрофизики.

Специально упоминалось о том, что

в дополнение к существованию в республике по преимуществу астрометрической Главной астрономической обсерватории в Пулкове представлялось бы соответственным организовать примерно того же масштаба и астрофизическую обсерваторию.

---

¹⁷ Артемьев Д. Н. [Письмо о постройке обсерватории] // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 2 об.

Артемьев также написал, что «внимание Научного отдела Народного комиссариата по просвещению привлечено на желательность и своевременность создания в России большой государственной астрофизической (подчеркнуто в оригинале. – *К. И.*) обсерватории», однако ни словом не обмолвился о том, кто, собственно, «обратил внимание» Научного отдела на «своевременность» этого предприятия¹⁸.

Преодоление цеховой ригидности

В «Воспоминаниях» Стратонов пишет, что письмо было разослано «от имени Научного отдела и за подписями Артемьева и моей (т. е. Стратонова. – *К. И.*)»¹⁹. Однако на сохранившейся в архиве копии письма нет никаких указаний на Стратонова, хотя Артемьев упоминается и по должности («заведующий Научным отделом»), и по имени, и на письме стоит его оригинальная подпись. То, что имя Стратонова отсутствовало в разосланном документе, подтверждается еще и тем, что ни в одном из ответных писем имя Стратонова никак не упоминалось. Наконец, в ранней публикации Стратонова, которую легко могли прочесть как Артемьев, так и его корреспонденты, Стратонов тоже ничего не говорит о своей подписи под письмом:

В марте 1920 года от имени Научного отдела и за подписью Д. Н. Артемьева был разослан анкетный циркуляр группе русских астрономов, причастных к астрофизике, в котором сообщалось о новом начинании и приводился проект программы работ, могущей быть поставленной новому учреждению²⁰.

Хотя, строго говоря, это свидетельство тоже не совсем точно. Немаловажно отметить, что в письме Артемьева ничего не говорилось о том, что письмо предназначалось для опроса многих специалистов, и внешне оно никак не напоминало «анкетный циркуляр», о котором говорит Стратонов. Это был обычный запрос, не содержащий строгих указаний на то, что производится массированный опрос специалистов.

И Стратонов, и Артемьев имели причины для того, чтобы не раскрывать до времени имя автора проекта. Стратонову это было выгодно потому, что незадолго до этого у него возникли коллизии с московскими астрономами по поводу директорства в обсерватории Московского университета. После смерти П. К. Штернберга возник вопрос об избрании нового директора. По возрасту, должности и выслуге лет им должен был стать С. Н. Блажко, мало сомневавшийся в том, что именно его кандидатура и будет утверждена на выборах. Однако неожиданно для всех на заседании предметной комиссии Стратонов поднял вопрос о том, «чтобы с избранием повременить, потому что для столь сильной и знаменитой, благодаря Бредихину, московской обсерватории

¹⁸ Там же. Л. 2–2 об.

¹⁹ Стратонов. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 221.

²⁰ Стратонов В. В. Главная Российская астрофизическая обсерватория // Труды Главной Российской астрофизической обсерватории. М., 1922. Т. 1. С. 1–2.

нужно было бы директора с настоящим ученым именем». В «Воспоминаниях» Стратонов пишет, что он имел в виду кого-нибудь из Пулков, например, С. К. Костинского. Однако комиссия не без оснований заподозрила, что он думал, скорее всего, «о своей личной кандидатуре»²¹. Со стороны Стратонова этот шаг был тем более неожиданным (и конъюнктурно предосудительным), что за несколько месяцев до этого именно Блажко дал ему рекомендацию на должность профессора астрономии Московского университета. В итоге директором Московской обсерватории был избран Блажко, а Стратонов возбудил к себе подозрение со стороны московского астрономического сообщества. Что касается Артемьева, то для него тоже, до тех пор пока проект не получил принципиального одобрения как со стороны специалистов-астрономов, так и со стороны более высокого начальства, анонимная его презентация была менее рискованным шагом, чем открытая поддержка инициативы Стратонова – человека с еще не устоявшимся статусом советского руководителя и специалиста.

Так или иначе, нужно обратить внимание на это стремление Стратонова общаться с коллегами, астрономами и физиками не от своего лица, а через посредство влиятельных государственных инстанций. Это можно интерпретировать, во-первых, как доказательство того, что Стратонов еще не чувствовал себя «своим» среди признанных астрономических специалистов; во-вторых, как сознательную стратегию человека, хорошо понимавшего социальную механику принятия решений в бюрократическом аппарате. В рассматриваемый период все организации, к которым обращался Артемьев, номинально были подчинены Наркомпросу, и потому письмо из этой инстанции должно было восприниматься как официальный запрос, обязательность ответа на который диктовалась административным регламентом²². Таким образом, Стратонов ставил своих коллег в ситуацию, когда невозможно было использовать наиболее эффективный прием против «чужака» – откровенное игнорирование его действий и замалчивание его инициатив. Кроме того, Стратонов мог надеяться на то, что ему удастся выяснить, чего ждут от этого начинания ведущие российские специалисты, и параллельно оценить свои шансы на то, чтобы стать директором планируемой обсерватории.

Письмо Артемьева было разослано семнадцати адресатам. В их числе были: в Пулковской обсерватории – А. А. Иванов, А. А. Белопольский, Г. А. Тихов, С. К. Костинский; среди других петроградских специалистов – управляющий Главной палатой мер и весов Ф. И. Блумах, исполняющий должность директора Главной физической обсерватории Н. А. Коростелев, сотрудник той же обсерватории, специалист в области актинометрии С. И. Савинов; в Москве – профессор Петровской сельскохозяйственной академии В. А. Михельсон; в Одессе – астрофизик Одесской обсерватории, университетский приятель

²¹ Стратонов. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 475.

²² Ощутимую действенность регламента можно почувствовать, например, в том, что специалисты Пулковской обсерватории, получившие письмо Артемьева как на общий адрес обсерватории, так и индивидуально каждому ведущему астроному, ответили по такой же схеме: составили отзыв от лица коллективного совещания, а затем отправили каждый свой ответ индивидуально.

Стратонова А. Р. Орбинский; а также директора Петроградской, Московской, Казанской, Харьковской, Одесской, Саратовской, Пермской и Ростовской обсерваторий²³.

По большому счету перед получателями письма Артемьева не стояла задача оценить перспективность проекта. Неявный запрос письма был настолько очевиден, что никому, кроме, пожалуй, самых отъявленных затворников от науки (например, А. А. Белопольскому), не составило труда догадаться об его инструментальном предназначении. Вопрос сводился, скорее, к тому, принять ли этот вызов или уклониться от него; и если принять, то с какими условиями. Здесь индивидуальные позиции различных астрономических центров и отдельных астрономов и геофизиков выявили отчетливую поляризацию. Во-первых, вся астрономическая аудитория разделилась на две группы – тех, кто ответил на письмо, и тех, кто игнорировал его. Показательно, что все украинские обсерватории предпочли остаться в стороне от обсуждения этого вопроса. Это могло объясняться в том числе тем, что в 1920-е гг. еще не произошло разделения функций управления на территории будущих национальных республик и украинская аудитория предпочитала ориентироваться на распоряжения местного, а не центрального правительства. Другими словами, украинские специалисты просто не воспринимали российский Наркомпрос в качестве руководящей инстанции. (Справедливости ради надо добавить, что это был период Гражданской войны и почтовая связь с Украиной, равно как с другими удаленными регионами, например, Казанью, не всегда работала аккуратно.)

В отличие от украинских, российские астрономические и геофизические центры ответили практически в полном составе. Ответа не поступило только от управляющего Главной палатой мер и весов Блумаха, сотрудника Главной физической обсерватории Савинова и из числа организаций – обсерваторий Петроградского и Казанского университетов. При этом полностью уклонившимися от обсуждения можно считать только Блумаха и астрономов Казанской обсерватории²⁴, так как сотрудники Петроградской обсерватории могли посчитать достаточным ответ их недавнего директора А. А. Иванова, отправленный от лица Пулкова, а мнение Савинова могло быть включено в коллективный ответ правления Главной физической обсерватории.

В ответах российских учреждений тоже не было однородности. Однако обнаружившиеся расхождения в целом вполне коррелировали со схемой распределения символического капитала, предложенной в заявке Стратонова и повторенной в письме Артемьева. Специалисты Пулковской и Главной физической обсерваторий – учреждений, которым в письме отводилось отчетливо доминантное положение, – посчитали нужным внести свой вклад в узаконивание этой иерархии и ответили двумя официальными подтверждениями,

---

²³ См. рукописный перечень на лицевой стороне письма Артемьева (*Артемьев*. [Письмо о постройке обсерватории]... Л. 2).

²⁴ Отсутствие ответа Казанской обсерватории могло объясняться тем, что как раз в это время там происходила смена руководства и решался вопрос о ее статусе (см.: *Иванов К. В.* Попытка отделения Энгельгардтовской обсерватории от Казанского университета в 1918–1921 годах // *Историко-астрономические исследования*. М., 2013. Вып. 37. С. 75–83).

составленными от лица правлений этих организаций. Например, в ответе Главной физической обсерватории говорилось, что

области исследования двух родственных наук – астрофизики и геофизики – до такой степени близки и нераздельны друг от друга, что намечаемая для нового учреждения программа деятельности естественным образом должна охватить многие геофизические задачи, входящие в круг исследований Главной физической обсерватории. Поэтому осуществление проекта в возможно совершенной форме является для Главной физической обсерватории одним из насущнейших и неотложных вопросов научной ее деятельности²⁵.

Аналогично в коллективном отзыве Пулковской обсерватории говорилось, что «устройство [...] большой астрофизической обсерватории следует всячески приветствовать»²⁶.

Ответы других обсерваторий и университетских астрономических кабинетов содержали главным образом личные оценки отдельных астрономов, в которых тоже делались определенные ставки, но в этом случае они определялись не столько институциональным положением их обсерваторий, сколько индивидуальными исследовательскими программами и карьерными перспективами отвечавших астрономов. Например, Михельсон прозрачно намекал на то, что его кандидатура вполне пригодна для того, чтобы возглавить проект.

Я, – писал он в своем отзыве, – конечно, от всей души приветствую мысль о создании большой астрофизической обсерватории на юге России. Подобная мысль являлась мне уже давно и многократно, еще с тех пор как я занимался актинометрическими измерениями в Швейцарских горах. Но многие обстоятельства помешали осуществлению этой мечты²⁷.

Аналогично специалист в области изучения комет С. В. Орлов подробно изложил план своих действий, методику исследований и инструментальное оснащение, которое ему понадобилось бы, если бы он стал заниматься исследованием комет в большой астрофизической обсерватории²⁸.

Специалисты, которые не высказали ни явного, ни скрытого желания организационно участвовать в создании нового астрофизического центра, тем не менее посчитали нужным откорректировать предполагаемую научную программу обсерватории таким образом, чтобы подчеркнуть значимость их индивидуальных исследовательских направлений. Так, недавно назначенный директор Московской обсерватории Блажко, долгое время изучавший переменные звезды, сначала в рамках программы Московской обсерватории,

---

²⁵ Коростелев Н. А. Отношение в Научный отдел Народного комиссариата по просвещению от 22 апреля 1920 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 14.

²⁶ Иванов А. А., Белопольский А. А., Костинский С. К., Тихов Г. А., Балановский И. А. Отношение в Научный отдел Народного комиссариата по просвещению // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 4.

²⁷ Михельсон В. А. Отношение в Научный отдел Народного комиссариата по просвещению от 15 апреля 1920 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 9.

²⁸ Орлов С. В. Отношение в Научный отдел Наркомпроса от 5 апреля 1920 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 16–18 об.

поставленной В. К. Цераским, а затем самостоятельно, считал «намеченную программу работ [...] в общем рациональной», однако полагал, что

в ней видное место должны занять разносторонние наблюдения над переменными звездами как предметами весьма важными в астрофизическом отношении, обильными по числу их и еще далеко не вполне исследованными, тем более что мало еще наблюдателей переменных звезд, работающих в благоприятных условиях²⁹.

Специалист в области солнечной актинометрии Михельсон, желавший участвовать в организации обсерватории, считал, что «нам нужна в первую очередь солнечная обсерватория, соединенная с большой солнечной лабораторией (подчеркнуто в оригинале. – К. И.), а уже лишь потом вообще астрофизическая обсерватория»³⁰. С точки зрения специалистов Физической обсерватории в число астрофизических задач обязательно должны войти актинометрия и ряд вопросов, которые астрофизика изучает «главным образом попутно и лишь постольку, поскольку наличие атмосферы усложняет и затрудняет решение прямых астрофизических задач»³¹, т. е. атмосферная оптика.

Таким образом, одни астрономы восприняли письмо Артемьева как шанс на упрочение институциональных позиций своих учреждений, другие – как повод для того, чтобы заявить о своих исследовательских интересах и карьерных планах. К числу традиционных замечаний следует отнести жалобы, которые содержались практически в каждом ответе. Почти все астрономы использовали неожиданно представившуюся возможность прямого диалога с правительством для того, чтобы поговорить о наболевшем и посетовать на недостатки в организации научной работы. Так, все астрономы Пулковской обсерватории, страдавшие из-за отсутствия быстрых и надежных транспортных и почтовых коммуникаций, особенно настаивали на том, чтобы в новой обсерватории «сообщение [...] с культурными центрами было всемерно обеспечено как почтой, телеграфом, телефоном, так и в отношении транспорта (железная дорога, трамвай, автомобильное сообщение, лошади)»³². Директор

²⁹ Блажко С. Н. Отношение в Научный отдел Народного комиссариата по просвещению от мая 1920 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 22.

³⁰ Михельсон В. А. Отношение в Научный отдел Народного комиссариата по просвещению от 15 апреля 1920 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 9.

³¹ Коростелев Н. А. Отношение в Научный отдел Народного комиссариата по просвещению от 22 апреля 1920 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 14 об.

³² Иванов, Белопольский, Костинский, Тихов, Балановский. Отношение в Научный отдел... Эта мысль повторяется рефреном в отзывах всех пулковских астрономов: «Новую обсерваторию нужно создать в возможной близости от культурного центра. Даже Пулковск. обсерватория, несмотря на кажущуюся близость к столице, испытывает в этом отношении большое стеснение, благодаря дальности ближайшей станции жел. дороги и отсутствия подходящих поездов. Если подобные стеснения будет испытывать новая обсерватория, то она мало-помалу будет отставать от основных научных течений и ей от времени до времени придется догонять других, а не стоять во главе» (Белопольский А. А. Отношение в Научный отдел Народного комиссариата по просвещению от 23 апреля 1920 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 7); «Сообщения обсерватории с культурными центрами должно быть всемерно обеспечено (подчеркнуто в оригинале. – К. И.) как почтой, телеграфом, и телефоном, так и

обсерватории Донского университета С. Д. Черный жаловался на недостаток календарных справочных материалов, что сильно тормозило исследовательскую работу обсерватории:

Наша обсерватория не имела³³ астрономического календаря ни на 1919, ни на 1920 г. Поэтому ее директору, одному вычислителю и студенту-специалисту пришлось самим предвычислять на 1919, 1920, 1921 гг. эфемериду солнца, фазы луны, затмения, постоянные Бесселя на 1921 и 1922 гг. и т. д. для того, чтобы не прерывать текущих работ обсерватории. Конечно, эти вычисления потребовали огромной затраты времени и труда. Насколько мне известно, в этом отношении не в лучшем положении, чем наша обсерватория, находятся и другие южные русские обсерватории: Харьковская, Одесская, Николаевская, Симеизская, Киевская³⁴.

В целом Стратонов достиг чего хотел. Его проект оказался валидным не только с точки зрения соответствия аксиоматическим взглядам того времени – номинальной потребности каждого крупного государства обладать собственной «большой астрофизической обсерваторией» – но и с точки зрения условий, стимулирующих социальную активность отдельных специалистов и даже целых научных коллективов. В этом смысле Стратонову удалось, во-первых, заручиться поддержкой представителей как Главной астрономической, так и Главной физической обсерваторий, с точки зрения которых предлагаемая им схема с «промежуточным» между ними положением Астрофизической обсерватории казалась приемлемой и не вызывала у них возражений, и во-вторых – пробудить вполне прагматичный интерес к этому предприятию у отдельных специалистов, желавших укрепить свой статус и улучшить условия для реализации индивидуальных исследовательских планов.

Номинально этот импровизированный опрос можно считать первым широким обсуждением перспектив развития астрофизики в России. Из-за отсутствия обратной связи и невозможности организовать дискуссию это обсуждение было слегка тенденциозным, тем не менее оно дало возможность авторам отзывов сформулировать собственную точку зрения по ряду астрофизических вопросов. Одновременно результаты этого опроса дали Стратонову материал, используя который можно было составить резюме, маскирующее основные противоречия, выявившиеся в высказываниях некоторых астрономов, и таким образом придать проекту имидж единогласного профессионального решения.

в отношении транспорта (железная дорога, или трамвай, или автомобильное сообщение и т. п.)» (*Костинский С. К.* Отношение в Научный отдел Народного комиссариата по просвещению от 11 апреля 1920 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 21); «При выборе места прежде всего следует руководствоваться соображениями топографическими и климатическими. Однако для обсерватории весьма важно удобство сношений с внешним миром, для чего необходима прочная почтово-телеграфная и телефонная связь, а также легкое и быстрое сообщение с железной дорогой» (*Тихов Г. А.* Отношение в Научный отдел Народного комиссариата по просвещению от 19 апреля 1920 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 19 об.).

³³ Черный писал, что «неоднократно директором обсерватории делались попытки получить из-за границы астрономические календари на 1919, 1920 и 1921 гг., но они не увенчались успехом» (*Черный С. Д.* Отношение в Научный отдел Народного комиссариата по просвещению от 12 апреля 1920 г. ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 13).

³⁴ Там же.

Фигура автора проекта по-прежнему оставалась скрытой для большинства участников этого заочного форума. В некоторых отзывах можно было угадать желание делегировать кому-нибудь полномочия по руководству этим предприятием. Так, специалисты из Пулковской обсерватории высказали предположение, что программа обсерватории должна определиться «присутствием в числе персонала лица с сильно выраженным интересом к той или иной отрасли астрофизики»³⁵. Точно так же Блажко особо подчеркнул в своем отношении, что он «при всяких условиях и обстоятельствах» самым верным считает «деятельность того лица, которому будет поручено строить обсерваторию и руководить ею. В конце концов от его энергии, распорядительности и научных взглядов зависит все»³⁶.

Трудно сказать, в какой мере руководители этих наиболее признанных российских астрономических центров рассчитывали на то, что будут лично участвовать в обсуждении кандидатуры руководителя обсерватории. Революционные годы сделали традиционные регламентации менее строгими, и авторитарное присвоение полномочий было в это время скорее нормой, чем исключением. Тем не менее в случае, когда правительство обращалось за компетентной оценкой к аудитории, ценностные ориентации которой предполагали строгую регуляцию в вопросах, касающихся распределения должностей и полномочий, логично было бы рассчитывать на привлечение их к выбору кандидатуры, которую они сочли бы приемлемой. Однако этот шаг, столь важный с точки зрения стандартов дореволюционного научного истеблишмента, так и не был сделан.

Первая попытка утверждения проекта

В апреле 1920 г. в распоряжении Стратонова оказалось все необходимое для того, чтобы подготовить официальный доклад по проекту и зарегистрировать его в каком-либо подходящем для этого ведомстве. В качестве такового Стратонов выбрал хорошо знакомый ему Научный отдел Наркомпроса. Если целью его первого письма было выяснение расхождений во мнениях астрономов и оценка собственных перспектив на то, чтобы занять место директора проектируемой обсерватории, то в следующем своем документе, который адресовался уже не специалистам, а правительственным чиновникам, он должен был, наоборот, замаскировать все выявившиеся противоречия и с максимальной отчетливостью показать единодушие специалистов в вопросе основания в России астрофизической обсерватории. Подготавливая доклад, Стратонов тщательно отредактировал пришедшие к Артемьеву отклики и процитировал только те их фрагменты, в которых участники этого письменного опроса были более или менее единодушны. Представление о том, как выглядел этот доклад, можно получить опять же из официальной публикации об истории основания ГРАФО, помещенной в первом томе трудов обсерватории. Этот текст презентовал программное представление о том, какой должна быть структура идеального астрофизического учреждения на территории России.

³⁵ Иванов, Белопольский, Костинский, Тихов, Балановский. Отношение в Научный отдел...

³⁶ Блажко. Отношение в Научный отдел... Л. 22–22 об.

Согласие специалистов было важным, но не единственным условием для успешной регистрации проекта. Кроме специалистов, проект должны были поддержать представители правительственных инстанций. Проблема заключалась в том, что утверждение проекта не могло состояться без согласия Тер-Оганезова – члена коллегии Научного отдела и административного соперника Стратонова. Положение осложнялось тем, что большевистские лидеры воспринимали Тер-Оганезова как астронома-специалиста. Стратонов провел тщательную подготовительную работу, чтобы нейтрализовать возможные возражения с его стороны. Как мы уже говорили, сначала он заручился поддержкой Артемьева. Однако Артемьев не был астрономом³⁷. Стратонову необходимо было найти другого специалиста, имеющего отношение к астрономии и одновременно обладающего авторитетом в большевистской среде. Таким человеком стал В. А. Костицын – математик, астрофизик и теоретик-эколог, участвовавший в Октябрьской революции на стороне большевиков. Ко времени подачи заявки Костицын занимал несколько видных должностей в большевистском правительстве и участвовал в работе Комиссии по изучению естественных производительных сил России. И Стратонов, и Артемьев делали ставку на то, что у Костицына хватит влияния для того, чтобы противостоять Тер-Оганезову³⁸.

28 мая 1920 г. Стратонов представил программу основания ГРАФО и проект положения об учреждении Главной астрофизической обсерватории коллегии Научного сектора Наркомпроса. Председателем коллегии был М. Н. Покровский, кроме того, в нее входили Артемьев, Тер-Оганезов, а также, по свидетельству Стратонова, «инж. Лингник и еще какой-то коммунист с видом монастырского послушника»³⁹. Коллегия решила перенести обсуждение этого

³⁷ В «Воспоминаниях» Стратонов сформулировал эту стоящую перед ним проблему в следующих словах: «Разработав в своих мыслях проект и составив по этому поводу записку, я был в затруднении относительно тактики. Большевистская власть любила размахнуться широко, если это делало ей в глазах мира рекламу; следовательно, предзнаменования дурными не были. Начинать приходилось с Научного отдела, во главе которого стоял проф. Д. Н. Артемьев, поддерживавший со мной хорошие служебные отношения. Но дело как раз касалось астрономии, а официальным большевистским авторитетом по этой науке считался Тер-Оганезов, с которым деловые отношения у меня были неважные; действовать через него – значило бы погубить любое дело, в том числе и задуманное мною.

Решил заинтересовать их обоих.

Прихожу к Тер-Оганезову. Он отнесся кисло:

– В этом я не вижу никакой необходимости. Ведь астрофизикой занимаются и в Пулковской обсерватории.

Его убеждать – в мои планы не входило. Достаточным казалось установить факт, что Тер-Оганезов в данном деле обойден не был» (*Стратонов. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 220–221*).

³⁸ Вот соответствующий фрагмент «Воспоминаний»: «Посоветовался я с Артемьевым относительно дальнейшей тактики:

– Ввиду оппозиции Тер-Оганезова, я подумываю привлечь в это дело Костицына...

Артемьев пришел в восторг.

– Вот это будет номер! Костицын против Тер-Оганезова... Ха, ха!

Костицын, как бывший большевик, имел еще хорошие связи в коммунистических кругах» (*Стратонов. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 223*).

³⁹ *Стратонов. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 222.*

вопроса в другую инстанцию Наркомпроса с большим количеством научных специалистов – Государственный ученый совет (ГУС)⁴⁰. Это предложение было сделано Покровским, который, по всей видимости, уже был осведомлен о назревающем конфликте.

Не очень понятно, исходило ли предложение от самого Покровского, желавшего провести обсуждение конфликтного вопроса в более представительной аудитории, или это был результат «подготовительной работы» Артемьева. Может быть, это было сделано еще и потому, что к началу 1920 г. Тер-Оганезов потерял значительную часть своего влияния и Покровский не хотел компрометировать себя единоличным соглашением с ним. Так или иначе, это решение улучшало шансы Стратонова, так как по успевшей сложиться уже в советское время традиции он мог привести на заседании группу экспертов, а Тер-Оганезов не обладал большим влиянием в среде научных специалистов⁴¹. Именно на этом этапе к проекту был подключен Костицын, решивший присутствовать на обсуждении проекта в ГУС, и у Стратонова была хорошая возможность составить авторитетную оппозицию.

В числе экспертов были приглашены С. Н. Блажко, А. А. Михайлов и В. А. Михельсон⁴². Однако, если судить по «Воспоминаниям», присутствовали на обсуждении только Блажко и Михайлов. Это была не самая удачная коалиция, так как к этому времени из-за инцидента с выборами директора Московской обсерватории у Блажко стало расти недоверие к Стратонову. По всей видимости, такой выбор был сделан из-за отсутствия достаточного времени на подготовку к заседанию. Оптимальной для Стратонова была бы пара А. А. Иванов – Н. А. Коростелев. Однако эти специалисты работали в Петрограде и не могли быстро явиться на заседание в Москву. Михельсон, прозрачно намекавший на то, что был бы не прочь встать во главе проекта ГРАФО, работал в Москве, однако остается неясным, как он относился к лидерству Стратонова. По какой-то причине, несмотря на сделанное ему предложение, он не смог участвовать в обсуждении проекта в ГУСе. В любом случае преимущество Стратонова было довольно незначительным, и ему нужно было очень тонко вести обсуждение, так как любое неосторожное замечание могло лишить его поддержки со стороны московских астрономов.

Осложнений избежать не удалось. Во вступительном слове Стратонов тезисно повторил содержание своей первичной «записки». При этом, стараясь подчеркнуть необходимость основания в России большой астрофизической обсерватории, он неосторожно упомянул о том, что астрофизическое оборудо-

---

⁴⁰ В постановлении коллегии от этого числа значится следующая формулировка: «Поставить вопрос об основании Астрофизической обсерватории на обсуждение ГУС на повестку ближайшего заседания, пригласив в качестве экспертов проф. Блажко, Михайлова и Михельсона» (Выписка из протокола 10-го заседания коллегии Научного сектора Наркомпроса от 28 мая 1920 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 28).

⁴¹ Стратонов пишет, что «в ГУС входили те же деятели научного отдела, да к ним прибавлены были три-четыре человека из ученых советской ориентации: геолог Архангельский, физик Тимирязев, инж. Федоров и еще, может быть, кто-то» (*Стратонов. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 223*).

⁴² Выписка из протокола 10-го заседания коллегии Научного сектора Наркомпроса от 28 мая 1920 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 28.

дование университетских обсерваторий «является пустяком по сравнению с современными требованиями науки». После выступления Стратонова слово взял Артемьев. Логика, из которой он исходил, может быть, и не отражает реальных намерений Стратонова, однако, во всяком случае, дает возможность понять, как инициатива Стратонова воспринималась в кругу его союзников. Если «Воспоминания» верно отражают ход обсуждения, то Артемьев сказал примерно следующее:

В[сеголод] В[икторович] (Стратонов. – К. И.) засвидетельствовал, что астрофизические работы в университетских обсерваториях совершенно пустячны. Тогда ясно, что надо сделать, и я это и предлагаю. Отберем у всех университетских обсерваторий их астрофизическое оборудование и передадим его новой обсерватории. Так мы сразу ее и создадим⁴³.

После этого предложения Блажко потерял самообладание и выступил с решительной речью в защиту астрофизических работ Московской обсерватории. Никакие компромиссные заверения Стратонова, старавшегося убедить всех, что в его планы вовсе не входит «заниматься ограблением», не могли спасти испорченной ситуации и вернуть Блажко в число союзников Стратонова. Этим сразу же воспользовался Тер-Оганезов⁴⁴.

Как и Артемьев, Тер-Оганезов видел в стремлении Стратонова главным образом желание реализовать возникшие перед ним карьерные возможности. Поэтому его критика была направлена не против астрофизической обсерватории как таковой, а против предполагаемого директорства Стратонова. Он старался убедить совещание в том, что

если вопрос о создании особой астрофизической обсерватории может считаться предрешенным, нет необходимости создавать для ее осуществления предлагаемый В. В. Стратоновым организационный аппарат⁴⁵.

Повод для этого ему дали те же самые письма специалистов, которые Стратонов на самом деле цитировал довольно выборочно. Например, он ни словом не упомянул о сообщении Белопольского, согласно которому при Пулковской обсерватории была «образована комиссия для рассмотрения вопроса о перенесении Пулковской обсерватории на более подходящее место»⁴⁶. Тер-Оганезову, видимо, удалось познакомиться с содержанием этого письма, и теперь он предлагал возложить задачи, изложенные в докладе Стратонова, на существующую, по «его, Тер-Оганезова, сведениям», особую комиссию, которая определяет выбор места для перенесения Пулкова. Из-за этих возражений ГУС отложил окончательное утверждение проекта, ограничившись созданием временного организационного комитета, которому поручалось «в короткий срок разработать более детальный проект по организации Главной

⁴³ Стратонов. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 224.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Белопольский. Отношение в Научный отдел... Л. 6 об.

астрофизической обсерватории и внести его на рассмотрение Государственного ученого совета»⁴⁷. В состав комитета вошли Блажко, Костицын, Михайлов, Стратонов и А. К. Тимирязев⁴⁸.

Вторая попытка утверждения проекта

Это еще не было поражением, однако такое решение совета потребовало от Стратонова дополнительных хлопот для окончательного утверждения проекта. Прежде всего ему необходимо было связаться с Ивановым для того, чтобы выгодным для себя образом разрешить проблему с комиссией по переносу Пулковской обсерватории. 11 июня 1920 г. состоялось первое заседание Временного комитета по устройству Главной астрофизической обсерватории, на котором было решено

пригласить директора Пулковской обсерватории А. А. Иванова принять участие в заседании Временного комитета для выяснения вопроса об исполнении принятого Государственным ученым советом, согласно предложению В. Т. Тер-Оганезова (так в документе. – К. И.), постановления о включении в состав Временного комитета существующей в Пулковской обсерватории комиссии для выбора места перенесения названной обсерватории...⁴⁹

Уже через три дня Иванов прибыл в Москву на следующее, второе заседание комитета. По его словам, в Пулкове не существовало «никакой специальной комиссии для выбора места переноса», данным вопросом занимался совет Пулковской обсерватории в целом, причем сам вопрос находится «только в первоначальной стадии развития». Кроме того, Иванов отметил, что «Пулковская обсерватория имеет свои специальные задачи, в которых астрофизические работы занимают второстепенное место», и поэтому создание Астрофизической обсерватории «было бы правильным возложить на специальный орган»⁵⁰.

Необоснованность возражений Тер-Оганезова выяснилась в полной мере. По всей видимости ее исток был в неточности сведений, передаваемых в письме Белопольского. Тем не менее реализация проекта была отложена. Хлопоты по учреждению постоянного организационного комитета были продолжены Стратоновым только через год – в марте 1921 г. В официальной публикации, помещенной в первом томе «Трудов ГРАФО», Стратонов дает этому следующее объяснение:

развернувшиеся политические события, отрезанность Крыма, крайняя затруднительность сообщения с Одессой и Северным Кавказом, а равно и отвлечение всех сил страны на войну с Польшей – сделали на

⁴⁷ Стратонов. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 224.

⁴⁸ Стратонов. Главная Российская астрофизическая обсерватория... С. 16.

⁴⁹ Протокол № 1 заседания Временного комитета по устройству Главной астрофизической обсерватории от 11 июня 1920 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 23.

⁵⁰ Протокол № 2 заседания Временного комитета по устройству Главной астрофизической обсерватории от 14 июня 1920 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 24.

ближайшее время невозможным ведение планомерной работы по обследованию предназначенных для Астрофизической обсерватории районов, вследствие чего было замедлено и представление доклада Временного комитета в Государственный ученый совет⁵¹.

Конечно, отрезанность Кавказа и внешнеполитические события 1920 г. не самым благоприятным образом сказались на деле организации обсерватории. Однако трудно было бы объяснить задержку официальной регистрации проекта только внешнеполитическими событиями. Помимо организации экспедиций комитет мог в это время набирать штат сотрудников, заботиться об обеспечении будущей обсерватории инструментами, библиотекой и выполнять массу самых разнообразных подготовительных мероприятий, которые невозможно было осуществлять, не получив официальной регистрации в каком-либо советском правительственном органе. Кроме того, первые решения по организации обсерватории были приняты уже после начала третьего комбинированного похода Антанты, а продолжились еще до того, как закончилась война с Польшей. Поэтому при всей весомости этих причин их, очевидно, нельзя считать единственными.

Едва уловимый намек на то, почему утверждение проекта ГРАФО задержалось на целый год, можно найти в более откровенных «Воспоминаниях» Стратонова, где он оставил такую фразу: «...надо было выждать, пока смягчится неблагоприятное впечатление»⁵². В воспоминаниях Стратонов интерпретировал срыв Блажко на обсуждении в ГУСе проекта ГРАФО следующим образом: «Дело было ясное: Блажко считался астрофизиком в Московской обсерватории, и он счел себя задетым за свои астрофизические работы»⁵³. Вряд ли такую интерпретацию можно считать полностью верной. Конечно, Блажко мог испытывать личную обиду за то, что весомость его астрофизических трудов подвергается сомнению. Однако, скорее всего, такое резкое выступление было спровоцировано не столько обидой, сколько боязнью потерять Московскую обсерваторию как самостоятельный научный центр. На совещании Стратонов вдруг предстал в его глазах не как коллега и союзник, а как агрессивный и влиятельный конкурент, в результате усилий которого действительно не блистающие слишком уж высокими заслугами университетские обсерватории могли стать «сырьем» для оснащения крупного астрофизического центра.

Учитывая то, что Стратонов старался выступать в альянсе с представителями Пулковской обсерватории и был в относительно хороших отношениях с ее директором Ивановым, новая концепция астрономических исследований могла быть воспринята советскими правительственными лидерами таким образом, что две крупные обсерватории – астрономическая и астрофизическая – разделят между собой астрономический авторитет и влияние, а университетские обсерватории останутся «не у дел», т. е. отдав свое лучшее астрофизическое оборудование, попросту займут привычное для них место

⁵¹ Стратонов. Главная Российская астрофизическая обсерватория... С. 18.

⁵² Стратонов. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 226.

⁵³ Там же. Л. 224.

«учебно-вспомогательных учреждений». Это было бы и в духе имперских традиций, постепенно реанимирующихся после нескольких революционных лет. Это выразалось, в частности, во все более явной поддержке Академии наук и все более яростном наступлении на автономию университетов⁵⁴.

Позже Стратонов почти открыто демонстрировал свои симпатии именно к такой схеме организации астрономических исследований в стране. Например, на прошедшей в начале 1922 г. конференции по урегулированию отношений с научными центрами в советских республиках он действительно составил позиционный блок совместно с Ивановым, оспаривая право провинциальных обсерваторий на самостоятельность.

Что же касается Астрофизической обсерватории и ее филиалов, – вспоминал Стратонов спустя десять лет, – то еще раньше мы с Ивановым согласились отстаивать такую схему: Ташкентская и Одесская обсерватории переходят на правах филиалов к Астрофизической обсерватории, а все остальные русские обсерватории – к Пулкову⁵⁵.

Разумеется, это ни в какой мере не устраивало представителей самостоятельных астрономических учреждений, особенно университетских обсерваторий, стремящихся к автономии еще с дореволюционных лет⁵⁶.

Трудно сказать, насколько сознательно сам Стратонов следовал этой довольно прозрачной и в общем вполне осуществимой стратегии. Так или иначе отсутствие прочных контактов в среде московских специалистов серьезно осложняло его организаторскую деятельность. Особенно болезненно это сказывалось на комплектовании штата обсерватории и проведении разведывательных экспедиций. Набирая штат, Стратонову пришлось искать поддержки не в среде признанных специалистов-астрономов, обитающих в Москве и Петрограде, а среди молодых провинциальных ученых – социально менее связанных, чем столичные специалисты. Фесенков из Харькова, Орлов и Щиголев из Перми, Милованов и Давидович из Ташкента – именно эти специалисты составили ядро Организационного комитета ГРАФО и штат будущего Астрофизического института. Обсуждение проекта в ГУС никак не сказалось на изоляции Стратонова в кругу авторитетных представителей университетской астрономии. Он по-прежнему был в одиночестве.

Аналогичным образом ни одна из крупных университетских обсерваторий не выделила оборудования для проведения рекогносцировочных экспедиций по устройству Астрофизической обсерватории. Почти все оборудование для экспедиций было получено от небольших провинциальных астрономических учреждений, занимающих очень скромное место в университетской иерархии, а иногда и вовсе не принадлежащих университетской инфраструктуре. Как писал об этом Стратонов в одном из своих отчетов:

---

⁵⁴ *Иванов К. В.* Новая политика образования в 1917–1922 годах. Реформа высшей школы // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С. 359–379.

⁵⁵ *Стратонов.* По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 249.

⁵⁶ *Иванов К. В.* Университетские обсерватории в России 1920-х гг. // Историко-астрономические исследования. М., 2003. Вып. 28. С. 103–119.

Так как Комитет не располагал еще достаточным количеством инструментов для подобных работ, их пришлось позаимствовать в провинциальных университетских обсерваториях. Так, Донская обсерватория предоставила 4-дюймовый рефрактор с нитяным микрометром, Ростовский астрономический университетский кабинет дал экспедиции также 4-дюймовый рефрактор, два столовых хронометра и универсальный инструмент; Харьковская обсерватория предоставила секстант, фотометр и пр., Московский геофизический институт дал фотополяриметр Корню, счетчик ионов Оберта и разные метеорологические приборы⁵⁷.

Попытка обретения широкой профессиональной поддержки

Говоря, что «надо было выждать, пока смягчится неблагоприятное впечатление», Стратонов адресовал эту реплику советским чиновникам, но она могла быть по праву отнесена и ко всему влиятельному московскому астрономическому сообществу. Ожидание Стратонова не было пассивным. Первое, что он попытался сделать – это расширить аудиторию обсуждения проекта и заручиться поддержкой не только астрономов, принадлежавших к элите российской астрономии, но и широкой научной общественности. В конце августа 1920 г. в Петрограде состоялся Всероссийский астрономический съезд, а в сентябре в Москве прошел съезд Российской ассоциации физиков. Стратонов выступил с докладом по основанию обсерватории на обоих этих форумах, «и оба съезда единогласно приняли на пленарных заседаниях сочувственные резолюции этому начинанию»⁵⁸. Здесь уместно отметить, что ответственный за созыв астрономических съездов Блажко занимался этим делом, в общем, без энтузиазма. Стратонов опять интерпретировал эту его особенность как «природную лень»⁵⁹. Однако вполне вероятно, что Блажко, уже занявший прочное место в иерархии московских астрономов (напомним, что к этому времени он был директором обсерватории Московского университета и председателем Московского общества любителей астрономии), не слишком-то и желал создавать прецедент пересмотра сложившегося *status quo*. Помимо субъективных психологических причин, которые так любил подыскивать Стратонов в своих «Воспоминаниях», на него могли действовать и социопрофессиональные соображения. То, что было мотивом (в том числе и психологическим) для Стратонова, могло не быть таковым для Блажко.

Далее, – пишет Стратонов в «Воспоминаниях», – разумеется, по моей подсказке, Главная физическая обсерватория посредством своего Научного комитета обратилась к нам с настоянием о скорейшем осуществлении проекта создания астрофизической обсерватории, ввиду того, что это ускорение вызывается насущными научными потребностями самой Физической обсерватории [...] Наконец, и Московское общество любителей астрономии единогласно вынесло постановление о желательности возможно скорейшего осуществления нашего начинания. Разумеется, такая

⁵⁷ Стратонов В. В. Отчет Главной астрофизической обсерватории за 1921 г. (пометка на документе: 28 апреля 1922 г. – К. И.) // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 129.

⁵⁸ Стратонов. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 226.

⁵⁹ Там же. Л. 476.

единодушная поддержка создавалась по моей инициативе, и принимались мною же подготовленные резолюции; но все это представлялось необходимым для создания соответственного впечатления в правительственных советских кругах⁶⁰.

Опять, вряд ли советское правительство было единственной аудиторией, которую следовало убеждать. Позитивная оценка проекта со стороны широкой научной общественности, за которую Стратонов, несомненно, боролся, была нужна ему еще и для того, чтобы официальная российская научная элита стала более уступчивой в отношении его новаторских инициатив.

Как завоевывалось это признание? Стратонов участвовал в массовых собраниях специалистов, взывал к здравому смыслу на открытых форумах и одновременно вступал в тайные соглашения и заручался поддержкой влиятельных лиц, которые позволяли использовать авторитет их организаций для декларирования выгодных для Стратонова целей. Всем было примерно понятно, чего он хотел, однако пути, которые он выбирал для осуществления своих планов, продолжали оставаться непрозрачными. Так вокруг Стратонова сложилась ситуация, когда его оказалось невозможным игнорировать. Нужно было прислушиваться к тем заявлениям, которые он делал; искать в них какой-то скрытый смысл; подозревать его в тайном умысле; следить за тем, с кем он общается; пытаться предугадать его следующий шаг; обращать внимание на то, кого он выбрал в свои союзники, а кого считал своим врагом. Так, благодаря этим маятниковым движениям, постепенно расширяющим зону его компетентного действия, Стратонов сообщает своему предприятию весомую социальную значимость, делает его различимым на фоне других практик, укрепляющих влияние научных институций, и в итоге превращает возглавляемый им научный орган (до весны 1921 г. это был всего лишь Временный комитет по устройству Главной астрофизической обсерватории) в учреждение, с которым невозможно не считаться.

25 марта 1921 г. ГУС повторно рассмотрел вопрос об основании Главной астрофизической обсерватории. На сей раз проект выглядел более представительно. К нему прилагалась смета расходов как на постройку, так и на оснащение обсерватории. Общая стоимость работ и оборудования должна была составить около 300 000 довоенных рублей, из которых 73 000 предполагалось потратить на закупку за границей астрономических инструментов и приборов⁶¹. Проект не встретил существенных возражений со стороны участников заседания (не считая повторных протестов Тер-Оганезова, потерявших силу после того, как разъяснилась история с «переносом» Пулковской обсерватории), и был утвержден в тот же день.

Казалось бы, у Стратонова были все основания для того, чтобы праздновать победу. Он создал учреждение, руководство которым номинально выво-

⁶⁰ Там же. Л. 227.

⁶¹ Список предметов оборудования Астрофизической обсерватории по ценам довоенного времени (пометка на документе: 19.06.1921. – *К. И.*) // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 45–45 об.; Заявление Временного комитета по устройству Главной астрофизической обсерватории председателю Академического центра (пометка на документе: 19.06.1921. – *К. И.*) // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 37.

дило его в число наиболее авторитетных научных специалистов. Его коллеги-астрономы не стали оспаривать, а следовательно признали право Стратонова на то, чтобы занять место председателя организационного комитета по постройке большой астрофизической обсерватории. Это признание устранило препятствия, связанные с новаторским характером проекта, но одновременно поставило перед Стратоновым ряд принципиально новых задач.

Став самостоятельным учреждением, Астрофизическая обсерватория приобрела статус субъекта в поле традиционных академических отношений. Однако в отличие от других астрономических институтов, обладавших механизмами укрепления своих социопрофессиональных позиций, ГРАФО не могла опереться ни на одну из существующих моделей обеспечения научной деятельности. Она не являлась частью университетской инфраструктуры и не входила в состав Академии наук. Промышленные комиссариаты тоже не проявляли к ней интереса. Инсценированные Стратоновым декларации Главной физической обсерватории и различных научных форумов «в поддержку этого начинания» тоже не шли дальше создания благоприятного общественного мнения и не предполагали какого-либо серьезного проекта, способного поддержать обсерваторию на первом этапе ее самостоятельной деятельности.

Обладавший весьма слабыми материальными ресурсами Наркомпрос мог предоставить обсерватории юридические права, но не приемлемое финансовое обеспечение и уж тем более не полноценное строительство. Руководивший ГУСом Покровский прямо заявил Стратонову, что в ближайшее время Наркомпрос не сумеет найти средств для постройки обсерватории⁶². Сумма в триста тысяч довоенных рублей была действительно слишком крупной даже для более обеспеченных комиссариатов. На заседании Стратонов ответил, вероятно, заготовленной фразой, что даже при благоприятных условиях финансирования подготовительные работы при основании Пулковской обсерватории длились не менее трех лет. Сейчас же условия для осуществления проекта настолько ненормальны, что этот период может затянуться на гораздо более долгое время. Поэтому не надо пугаться того, что финансирование задерживается. До постройки обсерватории можно проводить мероприятия, которые не потребуют больших затрат и тем не менее окажутся полезными для основания в России крупного астрофизического центра⁶³. В результате заседание постановило учредить Организационный комитет по основанию Главной астрофизической обсерватории, который должен был выбрать место для постройки обсерватории, закупить некоторые приборы, набрать штат будущей обсерватории и разработать программу ее действий⁶⁴.

---

⁶² В соответствующем фрагменте «Воспоминаний» Стратонов так описывает этот эпизод: «Государственный ученый совет – обращается ко мне Покровский – не возражает против учреждения астрофизической обсерватории. Действительно, нужна хоть одна хорошая обсерватория на юге. Но дело вот в чем: состояние советских денежных средств не позволит крупных денежных ассигнований ни в текущем 21, ни в 22 и 23, а вероятно и в 1924 годах. Есть ли возможность и основание при таких условиях начинать дело?»

Эге, на такую удочку я не попадусь. Надо только начать, а о средствах разговоры впереди...» (Стратонов. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 226).

⁶³ Стратонов. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 226.

⁶⁴ Стратонов. Главная Российская астрофизическая обсерватория... С. 22–23.

Подбор сотрудников

Стратонов был избран председателем как Организационного комитета, так и астрофизического совещания⁶⁵. Несмотря на то, что состав последнего был очень весомым, сложно было представить себе обстоятельства, когда выбранные в него специалисты могли бы собраться вместе. Так, в состав совещания входили практически все ведущие специалисты Пулковской обсерватории, а именно А. А. Иванов, А. А. Белопольский, С. К. Костинский и Г. А. Тихов⁶⁶. Однако ни Иванов, ни Белопольский, ни Костинский так ни разу и не приехали в Москву для обсуждения мероприятий по основанию обсерватории. У приехавшего из Петрограда Тихова очень быстро возникли трения со Стратоновым, после чего Стратонов отстранил его от участия в совещаниях⁶⁷. По сути, из всех пулковских специалистов, да и то ненадолго, в совещании остался только молодой астроном И. А. Балановский. То же самое можно сказать и о Коростелеве, так ни разу и не появившемся на совещании, хотя и встречавшемся со Стратоновым в Москве по делам, не относящимся непосредственно к организации обсерватории. Другие специалисты, представленные в основном астрономами Московской обсерватории (С. Н. Блажко, А. А. Михайлов, Э. Ю. Эпик), В. А. Михельсоном и несколькими геофизиками, собрались только несколько раз, по горячим следам, летом того же 1921 г. для выработки инструкций по обследованию мест предполагаемого размещения наблюдательных станций обсерватории и центрального астрофизического учреждения. После этого совещание ни разу не собиралось.

В вопросе подбора штата Стратонов столкнулся с теми же трудностями. Хотя в своей исходной «справке» он писал, что в России уже имеется «достаточный кадр специалистов астрофизиков»⁶⁸, на деле число астрономов, которые согласились бы оставить свое рабочее место для перехода в астрофизическую обсерваторию, было не так велико. В связи с этим Стратонову редко приходилось проявлять щепетильность в кадровых вопросах. Например, В. Н. Милованов был приглашен после того, как у него – в то время директора Ташкентской обсерватории – «вышла неприятная история с сейсмологом

---

⁶⁵ Положение об Организационном комитете и астрофизическом совещании по устройству Главной астрофизической обсерватории (поземка на документе: 19.06.1921. – К. И.) // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 35–36.

⁶⁶ См. полный список участников совещания в архивном документе: Личный состав Организационного комитета и астрофизического совещания // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 38, а также в публикации: *Стратонов*. Главная Российская астрофизическая обсерватория... С. 16–17.

⁶⁷ Стратонов так объясняет эту ситуацию: «...как курьез приходится отметить отношение к делу пулковского астрофизика Тихова. Он весь ушел в материальную сторону дела. Главным интересом у него было, сколько и чего натурой и деньгами он получит в случае своего участия в экспедициях, причем он старался еще сохранить за собой право участвовать по крайней мере от двух обсерваторий одновременно, чтобы получить на этом основании все вдвойне. Правда, он был единственным исключением на этот счет в среде ученых, но добился он только того, что я перестал привлекать его к этому делу» (*Стратонов*. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 238).

⁶⁸ *Стратонов*. Справка... Л. 1 об.

обсерватории Поповым»⁶⁹. По характеристикам, которые Стратонов давал другим приглашенным сотрудникам, можно заключить, что и они, в общем, не слишком соответствовали его ожиданиям.

Так, характеризуя профессора астрономии Пермского государственного университета С. В. Орлова, зачисленного в штат обсерватории в июне 1921 г., Стратонов писал:

Я знал С. В. как узкого специалиста по кометам и ставил ему условием расширение своей специальности в области астрономии и в области физики. Орлов это мне обещал, но обещание не исполнил⁷⁰.

То же самое можно сказать и о некоторых других сотрудниках. Например, о Б. М. Щиголеве – молодом преподавателе математики того же университета – Стратонов писал: «С астрономией Щиголев был мало знаком, но я надеялся эту сторону исправить, а участие математика у нас представлялось полезным»⁷¹. Примечательно в этой связи и то, что некоторые астрономы, уже заявившие о себе в научном мире, но не вполне удовлетворенные положением, которое они занимали в российских обсерваториях, предпочитали уходить не к Стратонову, а в другие обсерватории, как это было, например, в случае с Эпиком – сотрудником астрофизического совещания и астрономом-наблюдателем Московской обсерватории, уехавшим затем в обсерваторию Тартуского университета.

Стратонову пришлось набирать штат обсерватории в основном из малоизвестных провинциальных специалистов, еще не успевших зарекомендовать себя в научном мире. Заслуги большинства из них были еще полностью впереди; а некоторые специалисты, как, например, Милованов, так и не сумели раскрыть своих талантов. Пожалуй, единственным, но очень ярким исключением на этом фоне был В. Г. Фесенков, занявший после высылки Стратонова⁷² место председателя Организационного комитета. Однако переход Фесенкова был подкреплён мощной индивидуальной мотивацией.

---

⁶⁹ Директорство Милованова пришлось на первые революционные годы, осложненные административным кризисом, в который попала Ташкентская обсерватория. В этот период она вышла из подчинения Военно-топографического ведомства и стала предметом спора между многими претендентами, что сильно осложнило научное управление этим учреждением. Согласно воспоминаниям Стратонова, сейсмолог «Попов не пускал Милованова в сейсмический павильон, а когда Милованов в качестве директора все же туда направился, Попов ударил Милованова. Благодаря советской разрухе в служебном отношении поступок Попова остался безнаказанным, и положение Милованова стало невозможным. Посетив в эту пору Ташкент и ознакомившись со всем происходящим, я в качестве выхода из положения предложил Милованову перейти к нам, чем он с удовольствием воспользовался» (*Стратонов. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 236*). Из других документов следует, что «история» с Миловановым случилась летом 1921 г. Заявление об увольнении он подал 26 июля 1921 г., а его перевод в ГРАФО состоялся 1 сентября 1921 г. (Выписка из журнала № 11 Организационного комитета Главной астрофизической обсерватории. Заседание 1 сентября 1921 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 283. Л. 4).

⁷⁰ *Стратонов. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 235.*

⁷¹ Там же.

⁷² В конце 1922 г. Стратонов был выслан в Германию на так называемом «философском пароходе» за активное участие в забастовке профессоров Московского университета.

Сам Стратонов отмечал, что для Фесенкова переход в астрофизическую обсерваторию был сопряжен с определенным риском. К этому моменту ему уже было что терять. Незадолго до этого ему было предложено место декана в Харьковском университете с хорошими перспективами стать в будущем директором Харьковской обсерватории⁷³. Однако характер научной работы, который был увлечен Фесенков в то время и которая могла со временем вылиться в самостоятельное научное направление⁷⁴, делал заманчивым переход во вновь создающуюся обсерваторию, не обремененную традициями и организуемую при посредстве центральных органов государственного управления.

В целом за вторую половину 1921 – начало 1922 г. кроме технических служащих комитет пополнился по разным данным девятью или одиннадцатью специалистами. Помимо перечисленных Щиголева, Орлова⁷⁵, Милованова⁷⁶ и Фесенкова в состав комитета дополнительно вошли: адъюнкт-астроном Ташкентской обсерватории П. Я. Давидович⁷⁷, чешский астроном М. К. Грабак⁷⁸, рязанский учитель Пеньков (в качестве стипендиата), а также Р. В. Куницкий и К. Ф. Огородников⁷⁹. Как следует из других отчетов Стратонова, помимо перечисленных астрономов в комитет входили еще молодой одесский астроном Н. М. Ляпин⁸⁰ и некто Михайловский⁸¹, однако впоследствии эти лица пропадают из списков сотрудников обсерватории.

Помимо астрономов в заседаниях Организационного комитета, которые Стратонов созывал довольно регулярно, принимали участие и политические лидеры, в содействии которых Стратонов остро нуждался. К числу последних относились В. А. Костицын и А. К. Тимирязев⁸². Но и здесь не обошлось без потерь. Тимирязев очень скоро отошел от деятельности в комитете из-за обострившегося противостояния со Стратоновым в ходе второго этапа реформы вузов, развернувшегося в 1921–1922 гг.⁸³

НЭП. Перемена курса

Осенью 1921 г. у Стратонова начинает вызревать другой план действий по созданию задуманного им научного центра. Это было во многом спровоцировано изменением политических условий. Введение новой экономической политики (НЭП) лишило Астрофизическую обсерваторию возможности вести подготовительные мероприятия без затраты серьезных средств. Одновременно этот политический курс приостановил волну спонтанных организацион-

⁷³ Стратонов. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 236–237.

⁷⁴ Фотометрия поверхностных яркостей.

⁷⁵ Документы о переводе Орлова и Щиголева // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 93–103.

⁷⁶ Документы о переводе Милованова // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 283. Л. 2–5, 8–10.

⁷⁷ Стратонов. Отчет Главной астрофизической обсерватории за 1921 г.... Л. 129.

⁷⁸ Стратонов. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 236.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Документы о переводе Н. М. Ляпина // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 104.

⁸¹ Стратонов В. В. О Главной Астрофизической обсерватории // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 274. Л. 108 об.

⁸² Там же.

⁸³ Иванов. Новая политика образования в 1917–1922 годах... С. 359–379.

ных изменений и ослабил влечение советских лидеров к поиску новых революционных форм организации общественной и административной жизни. В каком-то смысле НЭП был реакцией, в ходе которой советское правительство попыталось восстановить или по меньшей мере сделать более действенными элементарные нормы легитимности, отмененные в период военного коммунизма. Это сильно ограничило свободу действий Стратонова. В такой ситуации, не имея сколько-нибудь существенной материальной поддержки и не будучи включенным ни в одну из традиционных схем обеспечения научных исследований довоенного времени, проект Астрофизической обсерватории оказался на грани ликвидации. Почувствовав это, Стратонов кардинально меняет свои планы. Убедившись в том, что в ближайшее время ему не удастся основать центральное учреждение Астрофизической обсерватории, он решил начать с «создания» сети филиалов, на роль которых, по его мнению, могли подойти уже существующие южные обсерватории – Одесская и Ташкентская.

По сути это было не «созданием», а присвоением, поскольку, в отличие от Организационного комитета ГРАФО, давно существующие южные астрономические обсерватории обладали устойчивым штатом, относительно хорошим оснащением и отработанными механизмами организации научных исследований. Как и в случае утверждения проекта Стратонов не сразу обнаружил свои намерения, а действовал по схеме многоходовой комбинации с неочевидными целями. Предложения, первоначально вносимые им на рассмотрение, впоследствии заново формулировались им таким образом, чтобы в выгодном свете представить советскому правительству перспективы развития советских астрономических организаций, которые устраивали бы Стратонова как будущего директора Главной астрофизической обсерватории. Начиная с осени 1921 г. Стратонов вступает в интенсивную переписку с правительством, направляя в Управление научных учреждений академического центра Наркомпроса (Главнауку) необычно большое количество промежуточных отчетов, докладов, ходатайств и отношений. В результате этой переписки и параллельно предпринимаемых Стратоновым организационных действий в правительстве формируется другое, отличающееся от исходного, представление о структуре Астрофизической обсерватории.

Впервые вопрос о филиалах был поднят Стратоновым в докладе, направленном в ГУС 3 октября 1921 г., сразу же после возвращения из Ташкента, где он провел определенную «подготовительную работу». В этом докладе помимо обоснования необходимости организации ГРАФО, практически повторяющего текст полугодовой давности, был включен новый фрагмент. Ссылаясь на то, что штат Астрофизической обсерватории уже подобран и что в настоящее время проходит обучение и специализированная подготовка персонала, Стратонов предполагал, что

в близком будущем Организационный комитет Главной астрофизической обсерватории будет располагать некоторым числом подготовленных астрофизиков, которые смогут приступить, не теряя времени, к научно-наблюдательной работе. Для последней, однако, понадобилась бы обсерватория с серьезными научными инструментами, приобрести которые в ближайшем времени очевидно не представится возможным. В то же

время, согласно намеченному плану научной деятельности Главной астрофизической обсерватории, последняя, кроме центрального института, должна располагать сетью филиальных обсерваторий, отстоящих возможно далее одна от другой, но лежащих приблизительно на одной широте. Таким требованиям наилучшим образом должна удовлетворять сеть, переброшенная от Одессы, через Северный Кавказ, в Туркестан. Поэтому независимо от будущей центральной обсерватории и ее высокогорной станции, место для которых будет избираться командированными экспедициями, представлялось желательным включить в сеть астрофизических обсерваторий и Ташкентскую университетскую обсерваторию. Именно на этой обсерватории и могли бы начать свои научные работы астрофизики, находящиеся в составе Главной астрофизической обсерватории⁸⁴.

Напомним, что в постановлении ГУСа от 25 марта 1921 г., утвердившем Организационный комитет и состав астрофизического совещания, ни словом не упоминалось о филиалах. Видимо, Стратонов имел в виду пожелания, высказанные российскими астрономами, физиками и метеорологами еще в начале 1920 г., при первом обсуждении проекта, до того как у него возникли конфликтные отношения с московскими астрономами и уж тем более до того как этим вопросом стало заниматься правительство. Поэтому его фраза о «намеченном плане научной деятельности Главной астрофизической обсерватории» отражала, скорее, его собственный взгляд на перспективы Астрофизической обсерватории, чем правительственные рекомендации и мнение большинства специалистов. Однако к этому времени вопрос о статусе научных учреждений, находящихся на территории союзных республик, уже начинал серьезно волновать чиновников Наркомпроса. По всей видимости обращение Стратонова было не единственным в этом роде. И Стратонову удалось убедить правительство, что случай Астрофизической обсерватории относится к той же категории политических проблем, которые встали перед Пулковом и Главной физической обсерваторией.

Первым объектом, привлечшим внимание Стратонова, стала Ташкентская обсерватория. Здесь опять, как и в случае с основанием Организационного комитета, отношение Стратонова к открывающимся перед ним перспективам менялось по мере того, как развивались его действия. В 1919 г. Стратонов, будучи избранным деканом физико-математического факультета Среднеазиатского университета, предпринял все возможные меры, чтобы перевести обсерваторию из военного ведомства в систему высшего образования. Однако осенью 1921 г. Стратонов неожиданно активизировал свои контакты со Среднеазиатским университетом. Если раньше он общался с руководством факультета только через университетских представителей, время от времени навещавших его в Москве, то в сентябре 1921 г. он лично приезжает в Ташкент⁸⁵. В ходе этой поездки Стратонов осуществляет ряд мероприятий, демонстрирующих его желание выйти из числа организаторов университета. В своих «Воспоминаниях» Стратонов мотивирует это размежевание тем, что

⁸⁴ Захаров Г. П. Положение Ташкентской обсерватории с августа 1921 года по октябрь 1922 года, от 27 июня 1923 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 283. Л. 101–102 об.

⁸⁵ Там же.

сложившееся в Ташкенте местное университетское сообщество, выступая в союзе с органами местной государственной администрации, стало вести более независимую политику по отношению к Москве, после чего Стратонов счел невозможным для себя оставаться далее деканом физико-математического факультета⁸⁶. Однако на деле им руководили совсем другие интересы – возможность зачислить в сеть филиалов ГРАФО Ташкентскую обсерваторию. При этом Стратонов прекрасно понимал, что в глазах представителей университета этот шаг будет выглядеть как нарушение достигнутых ранее договоренностей.

Несмотря на всю щекотливость того факта, – писал Стратонов в «Воспоминаниях», – что, устроивши передачу обсерватории университету и оставаясь ответственным деятелем последнего, я поднимаю вопрос об отобрании обсерватории от университета или об ограничении прав последнего на нее, я все же пошел в этом направлении⁸⁷.

Сразу же после приезда Стратонов стал выступать с заявлениями, дискредитирующими руководство обсерваторией университетом. В частности, он утверждал, что под руководством университета «обсерватория пришла в полный упадок, научная работа прекратилась, инструменты и специальные помещения портились и не ремонтировались»⁸⁸ и поэтому для того чтобы сохранить этот в прошлом влиятельный научный центр, его необходимо перевести в подчинение центральному научному учреждению – Главной астрофизической обсерватории. В целом Стратонов действовал по хорошо отработанной административной схеме. Сначала, чтобы иметь основания для того, чтобы поднять в правлении университета вопрос о передаче обсерватории, он на правах декана физико-математического факультета провел инспекторскую проверку обсерватории. «Было устроено, – писал Стратонов, – нечто вроде годового собрания обсерватории, на котором каждый из астрономов должен был дать отчет о своей деятельности»⁸⁹. На собрании Стратонов старался, с одной стороны, создать благоприятное впечатление среди астрономов, работавших в обсерватории, когда она подчинялась еще военному ведомству, чтобы заручиться частичной поддержкой коллектива в смене административного руководства, с другой – выявить как можно больше недостатков в работе специалистов, получивших место в обсерватории в период университетского правления.

---

⁸⁶ Как писал об этом Стратонов: «[В Ташкенте] стало нарождаться и расти оппозиционное нам настроение. Оно стало принимать и реальные формы. Сначала сформировался народный университет, который стал проявлять определенную тенденцию объявить себя настоящим научным университетом, именно – долгожданным туркестанским университетом. Затем стали образовываться суррогаты факультетов: высшая медицинская школа, восточный институт, военный факультет, агрономическая высшая школа... Профессорами в них стали местные педагоги, врачи, офицеры генерального штаба, агрономы... Они стали ревниво относиться к ожидаемым москвичам, которые могли их дисквалифицировать и обратить в первобытное состояние. Они и поддерживавшая их общественность уже мало хотели прибытия московской организации» (Стратонов. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 283.

⁸⁷ Стратонов. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... Л. 283.

⁸⁸ Там же. Л. 245.

⁸⁹ Там же. Л. 246.

Несмотря на эту предусмотрительную тактику, почти никто из сотрудников обсерватории – ни университетские протеже, ни работавшие там ранее дореволюционные специалисты – не стали открыто на сторону Стратонова⁹⁰, хотя все признали, что назначение директором обсерватории авторитетного астронома из Москвы могло бы значительно улучшить качество ее научной работы. В результате, по свидетельству Стратонова, он и другие представители Туркестанского университета «пришли к компромиссному решению»⁹¹, заключив соглашение о совместном использовании обсерватории как Организационным комитетом ГРАФО, так и Туркестанским университетом. После того как это решение было принято, Стратонов немедленно, на том же самом заседании, сложил с себя полномочия декана физико-математического факультета Туркестанского университета.

Как выяснилось в дальнейшем, это «соглашение» между Главной астрофизической обсерваторией и Туркестанским университетом стало не столько решением проблемы, сколько отправной точкой нового конфликта. Ни одна из сторон, причастная к его выработке, не считала себя обязанной точно следовать тем ограничениям, которые упомянутое соглашение накладывало на деятельность представителей как университета, так и Астрофизической обсерватории, во всяком случае самого Стратонова. Сразу же после отъезда Стратонова университет не только не ограничил в правах временного директора обсерватории, которым в то время являлся геодезист Н. И. Лебединский, но, кажется, снабдил его всеми необходимыми полномочиями для того, чтобы исключить возможность противостояния астрономического персонала обсерватории местным властям. Например, из президиума обсерватории были удалены все астрономы, его состав был сокращен до трех человек и стал состоять из директора Лебединского, помощника по хозяйственной части С. Р. Корсака (бывшего метеоролога-наблюдателя) и секретаря Ф. А. Гущина (бывшего заведующего хозяйством) – т. е. исключительно местных представителей⁹².

В свою очередь Стратонов, вернувшись в Москву, выступил на заседании Организационного комитета с разгромным докладом, в котором констатировал, что после перехода Ташкентской обсерватории «в ведение Туркестанского университета научная работа в обсерватории пришла в полный упадок и оставалась в таком состоянии в ближайший последующий период»⁹³. Собственно, после этого и было направлено в Главнауку ходатайство Стратонова о создании филиалов, которое мы цитировали выше. Так ГРАФО состоялась в качестве более или менее успешного проекта. Впоследствии, после совещаний Наркомпросов союзных республик в середине 1920-х гг., ГРАФО лишилась филиалов, находящихся вне РСФСР. Пришедший на смену Стратонову Фесенков полностью переформулировал задачи проекта и создал Астрофи-

⁹⁰ Исключение составлял уже упоминаемый сейсмолог Попов, по вине которого вынужден был покинуть обсерваторию предыдущий директор Милованов.

⁹¹ *Стратонов*. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 3... С. 247.

⁹² *Захаров*. Положение Ташкентской обсерватории... Л. 101.

⁹³ *Лариков Р. В.* Доклад инспектора Управления заведующему Главным управлением научных учреждений по поводу положения дел на Ташкентской астрофизической обсерватории от 17 сентября 1923 г. // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 283. Л. 136.

зический институт с небольшой наблюдательной станцией в подмосковном Кучине. Однако главная цель была достигнута. Астрофизические исследования обозначили себя в России не только дисциплинарным делением, но и институциональным размежеванием, что вне всяких сомнений было прогрессивным шагом в развитии астрономии. Нам остается ответить на последний вопрос – насколько оправданными были действия Стратонова, так часто сопряженные с нарушениями негласного научного кодекса? В методической литературе такой тип активности принято называть *иллегализмами* или, как иногда переводят это слово – *противозаконностями*⁹⁴. Действия Стратонова не были нарушением закона (хотя в «Воспоминаниях» он упоминает эпизод, когда ему пришлось дать крупную взятку одному из советских чиновников), тем не менее они явно воспринимались как нарушение, что вынуждало Стратонова до поры до времени скрывать свою причастность к проекту. Насколько обоснованными были эти действия, и насколько нормальным можно считать такое профессиональное поведение в науке?

Заключение

Итак, Стратонов допустил ряд нарушений. Кроме того, он принял меры к тому, чтобы следующие поколения ученых не смогли догадаться о том, что эти нарушения были допущены. В первом же томе «Трудов ГРАФО» он опубликовал статью с подробным описанием истории основания обсерватории, которая, мягко говоря, была не вполне правдива⁹⁵. Например, резюмируя свои действия по организации в России большой астрофизической обсерватории, Стратонов писал о себе в третьем лице:

По получении ответов на анкету и разных соображений по данному вопросу проф. В. В. Стратонов представил Научному отделу доклад, в котором привел сущность ответов специалистов на анкету⁹⁶.

Напомним, что ни внешний вид письма, ни его содержание никак не напоминали анкету, кроме того, никто из признанных российских астрономов не рекомендовал Стратонова для того, чтобы возглавить проект. Единственное мероприятие, которое с большой натяжкой можно было считать собранием, передавшим полномочия Стратонову в постройке обсерватории, – это так называемое одесское совещание. В той же официальной публикации из первого тома «Трудов ГРАФО» Стратонов пишет:

Ввиду того внимания, которое при предварительном намечении места устройства астрофизической обсерватории как центрального учреждения привлекла к себе Одесса, проф. В. В. Стратоновым было организовано

---

⁹⁴ См, например, вторую главу книги: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

⁹⁵ Стратонова сработала. Вплоть до самых последних лет, до того как автор настоящей статьи обнаружил необходимые архивные источники, слова Стратонова из этой статьи принимались за чистую монету и она использовалась чуть ли не как главный первоисточник.

⁹⁶ Стратонов. Главная Российская астрофизическая обсерватория... С. 14.

совещание на месте одесских астрономов, наблюдавших как в университетской обсерватории, так равно и в Одесском отделении Пулковской обсерватории⁹⁷.

Одесса – город, где Стратонов учился в университете, где в университетской обсерватории работал его однокашник и старый друг А. Р. Орбинский, где его еще помнили как астронома, получившего в начале академической карьеры удачное назначение в Ташкентскую обсерваторию, – была местом, где Стратонов, приехавший из Москвы в качестве столичного представителя, мог восприниматься как специалист, обладавший весомым авторитетом. И хотя совещание обсуждало только вопросы расположения центрального института обсерватории и ее филиалов, само председательство на нем номинально могло означать признание Стратонова в качестве лица, курирующего этот проект.

Видимо, Стратонов чувствовал себя обязанным включить этот фрагмент в текст официальной публикации, посвященной основанию обсерватории, так как это был чуть ли не единственный эпизод, когда он вынес план постройки обсерватории на открытое обсуждение с представителями российских астрономических учреждений. Но даже в этом случае нельзя быть уверенным в том, что дело обстояло именно таким образом, как рассказывает Стратонов. Например, в «Воспоминаниях», последняя редакция которых датируется началом 1930-х гг., он совсем иначе описывает свою поездку в Одессу. Согласно «Воспоминаниям», первая поездка состоялась гораздо позже того времени, когда было разослано письмо Артемьева, и даже после того как Стратонов представил Научному отделу доклад с «сущностью ответов специалистов», а именно – летом 1920 г. Причем в этом тексте Стратонов говорит, что он ездил главным образом чтобы отыскать дочь, связь с которой потерял во время Гражданской войны⁹⁸. Ни о каких встречах с астрономами он не упоминает. Вторая поездка (опять же если судить по «Воспоминаниям») состоялась в декабре 1921 г., уже после назначения Стратонова председателем Организационного комитета по постройке обсерватории, когда у Стратонова возникло подозрение в саботаже возглавляемых А. Я. Орловым одесских разведывательных экспедиций по определению места постройки обсерватории. Тогда, после того как подозрения подтвердились, Стратонов действительно созвал совещание, но не для того чтобы обсудить проект – это было бессмысленно, так как он уже был одобрен Государственным ученым советом, – а чтобы прекратить деятельность этих экспедиций:

Я попросил тогда созвать совещание астрономов, участников экспедиций, и официально попросил дать мне отчет о ходе работ экспедиций. Так как ни от кого ответа я получить не мог, то именем комитета Астрофизической обсерватории объявил деятельность обеих экспедиций прекращенной⁹⁹.

---

⁹⁷ Там же. С. 13.

⁹⁸ *Стратонов. По волнам жизни. Воспоминания.* Ч. 3... Л. 347.

⁹⁹ Там же. Л. 241.

Итак, в «Трудах ГРАФО», изданных в 1922 г., Стратонов помещает сведения об «одесском совещании» вместе с отзывами других специалистов и ни словом не упоминает о том, что его поездка на юг состоялась значительно позже и, скорее всего, совсем по другому поводу. Такие откровенные манипуляции в тексте, который по смыслу публикации должен был стать одним из первых исторических описаний основания в России астрофизической обсерватории, заставляют предположить, что цель, которую ставил перед собой Стратонов во время написания этой статьи, была отнюдь не только «исторической». О какой же истине свидетельствует этот документ? Мы ничего не приобретем, если попытаемся отмахнуться от проблемы, назвав то, что сделал Стратонов, термином из какого-нибудь кодекса – «подтасовка», «фальсификация», «передергивание», «превышение полномочий» и т. д. Навешивание ярлыков – не лучший способ разобраться в ситуации. Гораздо полезнее будет предположить, что «второе дно», которое мы обнаружили в этом документе, имеет более фундаментальный характер, чем тривиальное «искажение». Превышающий анализ уже показал нам, что за открыто выражаемыми ценностями, идеалами, нормами могут скрываться сообщения совсем другого рода – сообщения, замаскированные ровно настолько, чтобы не бросаться в глаза постороннему взгляду и одновременно быть понятными для тех, кто способен видеть в тексте не только логику изложения, но и логику действия.

Разве не было таких сообщений в отзывах на письмо Артемьева? На уровне парадигмальной структуры все эти отзывы были более или менее однородны. Да, России нужна большая астрофизическая обсерватория, да она должна располагаться на юге, включать в себя сеть филиалов, быть оснащенной большим рефлектором и т. д. Однако вместе с тем каждый из специалистов связывал с проектом обсерватории свои надежды и делал свои ставки в «социальной игре», которую Стратонов инкогнито навязывал опрашиваемым специалистам. Кто-то выразил надежду, что ему удастся возглавить проект, кто-то просто рассчитывал получить место в новой обсерватории, кто-то уделял особое внимание и придавал особую значимость именно тем исследованиям, которые были актуальны для него самого. Для расшифровки таких сообщений недостаточно знать язык, на котором они формулируются (включая профессиональную терминологию – «большой рефлектор», «стереокомпаратор», «фотогелиограф», «кометоискатель» и т. д.), помимо этого нужно владеть еще совершенно особым кодом, который отражает не столько внутреннюю логику языка, сколько логику его целесообразного применения.

Если мы предположим, что текст официальной публикации Стратонова не просто фиксировал исторические события, а формулировал сообщение, адресованное совершенно определенной аудитории его современников, то многие недоразумения, связанные с его отвлеченным пониманием, отпадут сами собой. Обращаясь к широкому астрономическому сообществу (включая зарубежных представителей), а в более далекой перспективе – к потомкам, Стратонов как бы давал понять, что назначение его на пост директора Главной Российской астрофизической обсерватории является логичным завершением предпринятых им усилий; что он более всего заслужил этот пост. Именно он первый предложил проект, именно он организовал заочное обсуждение перспектив его осуществления в России, именно он сделал доклады по проекту в

различных правительственных инстанциях, представляя в том числе мнения опрошенных специалистов, и т. д.

Конечно, Стратонов не упоминает о том, что сами специалисты и понятия не имели, что их опрашивает Стратонов. И не ясно, каким было бы это обсуждение, если бы оно осуществлялось без привлечения вышестоящих правительственных инстанций и с открытым присутствием Стратонова. Однако поскольку те трудности, которые Стратонову удалось обойти за счет его инкогнито, относились к числу тех самых скрытых стратегий, которые профессионалы могли применять по отношению друг к другу, чтобы нейтрализовать либо усилить влияние того или иного лица либо целого института (можно почти гарантированно утверждать, что если бы Стратонов затеял открытое обсуждение проекта, он вряд ли получил бы место директора), то оказывается очень сложным найти достаточно обоснованный повод для обвинения его в «нечестной игре».

Так или иначе, Стратонов создал прецедент широкого профессионального обсуждения перспектив развития астрофизических исследований в России. В силу описанных выше причин он не смог утвердиться в качестве директора основанного им учреждения как по политическим, так и социопрофессиональным соображениям. Доверие других профессиональных астрономов к нему было подорвано, и наблюдались серьезные проблемы с подбором штата вновь созданной обсерватории. Однако его преемник Фесенков уже не вызывал такого раздражения. В процессе развития инициатив Стратонова ему удалось основать астрофизический институт, преобразованный впоследствии в Государственный астрономический институт им. П. К. Штернберга – едва ли не самый влиятельный астрономический центр Советского Союза. Астрофизические исследования были институционализированы, хотя сама эта институционализация носила непростой, зигзагообразный характер. По-видимому, логика дисциплинарного строительства подразумевает совершение ряда действий, деформирующих «здравый смысл» привычного научного взаимодействия. В России подобные деформации осуществились описанным выше способом.